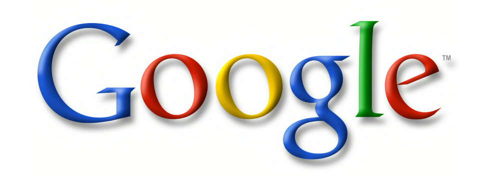

UC-NRLF
$B 319 467

Панъ.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО

революцiоннаго движенія.

Книгоиздательство „КОЛЛЕКТИВИСТЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Коломенская, д. 3, кв. 32.
1907.

Панъ.

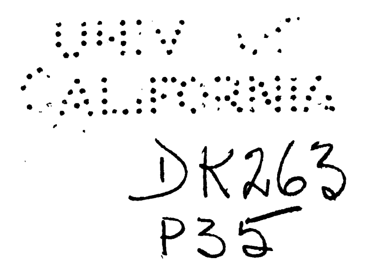
ИЗЪ НЕДАВНЯГО РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Книгоиздательство „КОЛЛЕКТИВИСТЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Коломенская, д. 3, кв 32.
1907.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°). Фонтанка, 117.

Изъ недавняго революціоннаго движенія.

Между многими бумагами, которыя оставилъ мнѣ мой безслѣдно исчезнувшій куда-то товарищъ, я нашелъ дневникъ его революціонныхъ воспоминаній, въ которомъ изложенъ одинъ изъ эпизодовъ его довольно бурной и тревожной жизни. Въ этомъ дневникѣ, когда мнѣ пришлось прочесть его въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ, передъ нами развернулась настолько типичная картина треволненій, преслѣдованій, дикаго произвола и насилія надъ личностью, словомъ, всѣхъ тѣхъ ужасающихъ и даже трагическихъ условій, въ которыхъ протекала жизнь такъ называемыхъ революціонеровъ, что среди насъ, читавшихъ этотъ дневникъ, возникло рѣшеніе предать его гласности. Это рѣшеніе я и привожу теперь въ исполненіе.

...Десять мѣсяцевъ тянулось мое вынужденное, въ видѣ ссылки до разбора дѣла, пребываніе въ родномъ городѣ. Въ 190... году меня арестовали въ Петербургѣ, гдѣ я состоялъ студентомъ одного изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, продержали 4 мѣсяца въ «предварилкѣ», ничего предосудительнаго, какъ ни старались, не могли найти, и, наконецъ, впредь до окончанія дѣла, выслали въ родной городъ X... Не скажу, чтобы жизнь здѣсь была особенно скучна или тягостна. Былъ заработокъ, были и близкіе друзья, было много книгъ... Но все же по временамъ забирала страшная тоска по жизни

въ большомъ городѣ, съ новыми цѣлями и надеждами, тоска по движенію, во всѣхъ смыслахъ этого слова... А вѣдь самый разборъ дѣла грозилъ по тогдашнимъ временамъ затянуться года на два, да приговоръ обыкновенно въ такихъ случаяхъ получался въ видѣ трехъ, пяти лѣтъ той же ссылки въ родномъ городѣ или въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ, какъ въ Вятской, Вологодской или Архангельской губерніяхъ... И эта перспектива пятилѣтняго прокисанія и вынужденнаго общественнаго бездѣйствія въ ссылкѣ, въ мертвящей, прямо таки гнетущей обстановкѣ мелочныхъ преслѣдованій мѣстной, безъ мѣры невѣжественной, грубой и обнаглѣвшей полицейской, да и всякой прочей власти, въ обстановкѣ непроходимаго мѣщанства, низменной, пошлой и самодовольной ограниченности окружающихъ обывателей,—эта перспектива, чѣмъ чаще и опредѣленнѣе она выростала предо мной, тѣмъ все чаще и сильнѣе повергала меня въ невыразимую тоску и отчаяніе...

Помириться съ этой перспективой я не могъ: для этого я былъ слишкомъ молодъ и кипучъ. А тутъ передъ глазами были примѣры сосланныхъ товарищей, уже обзаведшихся семьей и въ мѣру своей осѣдлости все болѣе обраставшихъ тиной провинціальной неподвижности и равнодушія къ тѣмъ, пока еще не виднымъ боевымъ схваткамъ въ центрахъ русской жизни, которыя раньше такъ расцвѣчивали красоту и очарованіе ихъ юношеской, исполненной героизма и самопожертвованія, жизни. А схватки эти между тѣмъ все болѣе разгорались, становились все упорнѣе и горячѣе, захватывали новые круги русскихъ обывателей и вызывали все большую необходимость въ непрерывномъ бодрствованіи на боевомъ посту. Для тѣхъ, кто и ранѣе шелъ на эти схватки въ самыхъ переднихъ рядахъ, новыя

условія борьбы выдвинули вопросъ о непрерывности и длительности ихъ боевыхъ дѣйствій, о такъ называемомъ «профессіональномъ» характерѣ ихъ общественно-революціонной дѣятельности... И эта возникшая эпоха «профессіонализма» той дѣятельности, изъ-за которой я вынужденъ былъ очутиться въ ссылкѣ, захватила и меня, какъ и многихъ въ то время, своимъ чарующимъ обаяніемъ непрерывной борьбы, непрерывно-кипучей дѣятельности, частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, все новыхъ знакомствъ съ людьми и жизнью, обаяніемъ безпрерывнаго героизма, которому предстояло столько интересныхъ, долгихъ и самыхъ тяжкихъ испытаній. А появившійся къ этому времени разсказъ Вересаева «На поворотѣ», ярко представившій всѣмъ намъ, ссыльнымъ, нашу собственную, разлагающуюся въ ссылкѣ жизнь, наше постепенное «прикрѣпленіе къ землѣ» непроходимой обывательщины и узкой обыденщины, въ которомъ незамѣтно затеривались куда-то всѣ наши юношескія мечты и идеальныя порыванія — окончательно повліялъ на мое рѣшеніе такъ или иначе вырваться изъ ссылки, не ждать ея конца и «броситься въ кипучее море все разгаравшейся борьбы, отдаться «профессіональной» дѣятельности революціонера. Надо признаться, что на это мое рѣшеніе повліяло и еще одно обстоятельство... Этимъ обстоятельствомъ явилась дѣвушка нашего круга и убѣжденій и мое отношеніе къ ней. Если въ жизни поэтовъ и художниковъ, въ жизни великихъ дѣятелей индивидуальнаго (какъ въ искусствѣ) и общественнаго творчества женщины всегда играли и до сихъ поръ играютъ великую роль и оказываютъ на все направленіе ихъ дѣятельности рѣшительное вліяніе, то тоже приходится сказать о вліяніи женщины на жизнь русскаго революціонера. И я не вижу никакихъ основаній намъ,

революціонерамъ, стыдиться этого вліянія женщины и считать его унижающимъ (какъ объ этомъ думали и думаютъ многіе изъ насъ). Я хочу быть искреннимъ за себя и за другихъ и потому беру на себя смѣлость утверждать, что вліяніе женщины и нашей любви къ ней играютъ не послѣднюю роль въ опредѣленіи нашего жизненнаго пути, въ толканіи на путь борьбы, жертвъ, героизма и мученичества. Это не значитъ, что только благодаря женщинѣ и ея любви общественно-революціонная дѣятельность съ ея жертвами и мученичествомъ имѣетъ для насъ интересъ и обаяніе, какъ средство привлеченія ея любви... Нѣтъ... революціонная борьба имѣетъ самостоятельное, захватывающее всю нашу жизнь, значеніе, но любовь къ женщинѣ-товарищу окружаетъ революціонную борьбу еще большимъ обаяніемъ, еще болѣе свѣтлымъ ореоломъ, и обращаетъ всѣ тяготы и жертвы въ легкія, радостныя переживанія... Во мнѣ скрыто росла любовь къ моей знакомой дѣвушкѣ — заграничной студенткѣ, и во имя этой любви дѣло борьбы, дорогое само по себѣ, становилось для меня съ каждымъ днемъ еще болѣе дорогимъ, и все сильнѣй и властнѣй тянуло меня ввязаться въ него и отдаться совсѣмъ, съ головой... Я твердо и окончательно рѣшилъ скрыться изъ родного города. Но раньше, чѣмъ отправляться въ какой-нибудь крупный центръ движенія, я хотѣмъ переправиться за границу, повидаться съ друзьями, перечесть въ нѣсколько мѣсяцевъ всю ту литературу, которая накопилась за время моего сидѣнья въ тюрьмѣ и ссылкѣ и которая вообще была мало доступна для чтенія здѣсь, въ Россіи, и затѣмъ уже отправиться оттуда обратно и отдаться дѣятельности... На мое рѣшеніе особенно повліяло еще и то, что я долженъ былъ исполнить за границей чрезвычайно важное

порученіе отъ одной изъ организацій. И такъ, передо мной стояла задача: незамѣтно выбраться изъ родного города и затѣмъ пробраться, что называется, «нелегально», черезъ границу. Незамѣтно выбраться изъ родного города не представляло особенныхъ затрудненій; главное же вниманіе должно было сосредоточиться на успѣшной переправѣ черезъ границу, что было неизмѣримо труднѣе. Я сталъ разрѣшать эту вторую задачу... Прежде всего надо было достать связей съ какой-нибудь революціонной организаціей, которая спеціально вѣдала переправу черезъ границу. Для большей вѣрности надо было достать связи не съ одной, а съ нѣсколькими организаціями: чтобы можно было въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, переправиться въ другое, на другую границу. Эти связи съ нѣсколькими организаціями, дѣйствовавшими въ разныхъ мѣстахъ, мнѣ скоро удалось достать. Оставалось запастись паспортомъ на чужое имя, который нуженъ былъ въ дорогѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось останавливаться и, въ случаѣ крайней необходимости, прописываться (чего мы всегда старались избѣгать). Нужны были, конечно, и деньги. Наконецъ, все было готово, и 26 сентября, я, моя знакомая дѣвушка и еще одинъ товарищъ должны были сняться и отправиться въ близлежащій городъ О... Но 25 сентября, наканунѣ моего отъѣзда, меня неожиданно вызвали въ жандармское управленіе, и здѣсь, къ моему великому удивленію, мнѣ предъявили бумагу изъ департамента полиціи, въ которой мнѣ объявлялось, что надзоръ надо мной изъ X... переносится въ Петербургъ, и, что мнѣ разрѣшено также поступить въ институтъ. Поэтому я долженъ немедля, по проходному свидѣтельству отправиться завтра же (т.-е. того же 26 сентября) въ Петербургъ. Я получилъ это проходное свидѣтельство и, изумленный, не-

много растерявшійся, направился съ этимъ свидѣтельствомъ къ товарищамъ разсказать имъ о постигшей меня неожиданной «милости»—возвращенія въ Петербургъ. Стали совѣтоваться, какъ быть. Ѣхать ли въ Питеръ. поступить въ институтъ и оттуда начать ту дѣятельность, къ которой меня тянуло, или же, не взирая на «проходное» свидѣтельство, переправиться, по прежнему рѣшенію, за границу, плюнувъ на Питеръ и на разрѣшеніе жить тамъ и учиться. Вопроса о карьерѣ, о продолженіи прерваннаго ученія не могло быть: мы всѣ одинаково рѣшали за меня, что если нужно возвратиться въ Петербургъ, то во всякомъ случаѣ не для спокойныхъ занятій, а для той же работы, ради которой я бросалъ свою ссылку. Но работать въ городѣ, гдѣ за тобой явно слѣдятъ, гдѣ ты связанъ положеніемъ студента, и не можешь, въ случаѣ нужды, легко и свободно бросить городъ и свое положеніе и перейти въ другой городъ, и жить, продолжая работу «на нелегальномъ положеніи», подъ чужимъ именемъ — это главное соображеніе подсказало мнѣ и моимъ товарищамъ, что разрѣшеніемъ возвратиться «по проходному свидѣтельству» не стоитъ смущаться, и изъ-за него перерѣшать свои рѣшенія и намѣренія... Такъ и было... Я долженъ былъ завтра выбраться изъ города и далѣе переправиться черезъ границу... Проходное же свидѣтельство лишь облегчало мнѣ задачу выѣзда изъ Х., ибо, благодаря ему, выѣздъ мой могъ совершиться вполнѣ легально, ну, а тамъ, дальше, при дальнѣйшемъ слѣдованіи «проходное свидѣтельство» тоже, вѣроятно, къ чему-нибудь да пригодится... и, дѣйствительно, пригодилось и спасло меня отъ довольно трагическаго положенія, въ которое я скоро, на пути моего нелегальнаго слѣдованія къ границѣ, попалъ и о которомъ рѣчь впереди.

26 сентября, я, знакомая дѣвушка и товарищъ выѣхали изъ города. Я навсегда прощался съ мѣстомъ ссылки родины, представлялъ себѣ, въ какую бурную рѣку отнынѣ направляется маленькій притокъ моего индивидуальнаго существованія, какая тревожная, интенсивная и въ то же время загадочная жизнь мнѣ предстоитъ впереди... Въ моемъ воображеніи періоды кипучей, страшно захватывающей дѣятельности чередовались съ необыкновенными по своей обстановкѣ арестами и долгими періодами сидѣнія въ тюрьмѣ, затѣмъ новыми побѣгами, новой борьбой, новыми преслѣдованіями, при которыхъ я метался, скрывая свои слѣды съ одного конца Россіи въ другой и т. д. И отъ всей этой бури смѣняющихся положеній, вихря предстоящей жизни, захватывало дыханіе, тревожно-радостно билось сердце и кружилась голова. Знакомая дѣвушка и товарищъ отправлялись за границу легально, по своимъ паспортамъ, учиться. Въ городѣ О... мы должны были разстаться. Они отсюда спокойно отправлялись въ вагонѣ поѣзда до самой границы и черезъ полторы сутокъ безъ треволненій должны были очутиться, какъ мы говорили, «по ту сторону добра и зла»... А мнѣ, вмѣсто покойнаго сидѣнья въ вагонѣ, предстояла тревожная переправа въ другой городъ уже подъ видомъ «нелегальнаго», разыскиваніе въ этомъ городѣ товарищей, имѣвшихъ всѣ основанія такъ же прятаться, какъ и я, и затѣмъ дѣлать дальнѣйшія попытки передвиженія къ границѣ и пробу переправы черезъ нее, гдѣ съ одинаковымъ успѣхомъ можно было удачно переправиться, какъ и очутиться вдругъ въ рукахъ пограничнаго солдата (или еще, чего добраго, быть имъ при преслѣдованіи застрѣленнымъ), а затѣмъ въ рукахъ жандармеріи, въ тюрьмѣ и т. д. Я хвалился передъ моими спутниками, что черезъ три, четыре дня, самое большее, я

съ ними встрѣчусь въ Вѣнѣ, гдѣ, какъ мы условились, они должны были меня поджидать. Но одно сознаніе, что я могу попасться и, такимъ образомъ, вдругъ оборвать тѣ нити, которыя такъ крѣпко связывали меня съ любимой дѣвушкой, разстаться съ ней и навсегда потерять ее изъ виду, самому затерявшись въ тюрьмахъ и ссылкахъ—одно это сознаніе преисполняло все мое существо безконечной тоской и страшной тревогой за исходъ моей переправы. Сердце при этомъ такъ сжималось и щемило, что, казалось, всѣ пытки и наказанія, какія могли ожидать меня при невольной разлукѣ въ случаѣ неудачи моей переправы и ареста, уже переживаются мной сейчасъ, когда я еще вижу этого дорогого мнѣ человѣка и могу еще свободно говорить съ нимъ и дѣлиться своей тревогой.,.

На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Одессу (буду называть полными именами всѣ мѣста, гдѣ мнѣ приходилось быть, надѣясь, что надъ всей былью, о которой я сейчасъ повѣствую въ своемъ дневникѣ, успѣла уже нарости трава забвенія и что разсказъ объ этой были, если онъ, паче чаянія, попадетъ въ чужія руки, не потревожитъ самолюбія и спѣсивой гордости одураченныхъ мной аргусовъ). Вечеромъ того же дня я долженъ былъ разстаться съ моими спутниками; они уѣзжали черезъ Подволочискъ въ Вѣну и дальше, я же долженъ былъ отправиться въ Кишиневъ, гдѣ была явка къ товарищамъ, имѣвшимъ возможность переправить меня черезъ румынскую границу, Прутъ и дальше... Часовъ въ 11 вечера мы разстались, каждый съ тревогой въ сердцѣ за мое будущее... Наружно же мы были крайне возбуждены и веселы, насколько намъ позволяли быть веселыми прохаживавшіеся по перрону и зорко оглядывавшіе всѣхъ жандармы, отъ которыхъ мнѣ уже теперь приходилось прятаться, не бросаясь имъ въ глаза, не вы-

зывая ихъ вниманія и проч... Наконецъ, поѣздъ умчалъ моихъ спутниковъ, которымъ я еще успѣлъ бросить въ догонку:

— Не позже, чѣмъ черезъ три, четыре дня вы увидите меня въ Вѣнѣ. Ждите же...

Съ отъѣздомъ моихъ спутниковъ что-то оборвалось, и я почувствовалъ себя неловкимъ и одинокимъ. Тѣ полчаса, которые мнѣ пришлось прождать до отхода моего поѣзда, показались мнѣ цѣлой вѣчностью... Сознаніе того, что теперь одному приходилось торчать па глазахъ жандармовъ, стараясь въ то же время не обратить на себя ихъ вниманія — создавало крайне нервное напряженіе.

— Лучше ли сидѣть на одномъ мѣстѣ, или лучше ходить передъ самымъ носомъ жандармовъ и казаться совершенно равнодушнымъ, — эти вопросы все время мучили меня и бросали изъ одного положенія въ другое, усиливая этимъ еще болѣе мою нервность, мое душевное неравновѣсіе...

Но вотъ и я, наконецъ, сѣлъ въ свой поѣздъ... Онъ уносилъ меня не въ Петербургъ, какъ это предписывало „проходное свидѣтельство", а въ Кишиневъ. Этимъ моментомъ я отрѣзалъ себя отъ пути легальности и началъ эру своихъ нелегальныхъ мытарствъ... Отнынѣ надо было насторожиться во-всю и держать ухо, что называется, востро...

Часовъ въ семь утра я былъ уже въ Кишиневѣ. Вещи я оставилъ на вокзалѣ и сейчасъ же пошелъ разыскивать мѣсто моей условленной явки. Города я не зналъ совершенно. Бродить и разспрашивать пришлось очень долго... Наконецъ, часа черезъ два я очутился тамъ, гдѣ мнѣ и нужно было быть. Явился я, какъ покупатель, выбиралъ какую-то вещицу, между прочимъ, спросилъ фамилію одного

служащаго, который долженъ былъ служить не то здѣсь, не то въ однородномъ учрежденіи... Оказалось, что это лицо служитъ здѣсь... и даже само говоритъ со мной... Надо было, не дѣлая ничего бросающагося въ глаза, проговорить этому человѣку условленный пароль... Я незамѣтно сдѣлалъ это. Онъ понялъ и послѣ покупки сказалъ, что хочетъ немного проводить меня за двери... Выйдя, онъ велѣлъ мнѣ направиться по извѣстному адресу, сказать тамъ, что я пришелъ отъ его имени и что черезъ два часа онъ самъ будетъ тамъ. Я разыскалъ лицо, къ которому меня направили, сказалъ, отъ чьего имени я пришелъ и услышалъ привѣтливую фразу:

— Раздѣньтесь, товарищъ, и подождите... Пока придетъ Владиміръ, вы выпьете чаю и поѣдите...

Я былъ уже въ своей товарищеской средѣ и облегченно вздохнулъ отъ того напряженія, которое все время испытывалъ въ дорогѣ. Черезъ два часа появился и Владиміръ.

— Вы можете теперь говорить все, что вамъ нужно,— началъ онъ, и, кивая въ сторону хозяина комнаты, прибавилъ:—это свой, товарищъ...

Я разсказалъ, что мнѣ нужно переправиться черезъ границу... и нужно, какъ можно скорѣе...

— Переправиться можно: граница теперь довольно хорошо налажена... Надо будетъ послать за Веньяминомъ,— обратился онъ къ хозяину комнаты. И объяснилъ мнѣ:— это товарищъ, который непосредственно завѣдуетъ переправой... онъ васъ и отвезетъ къ контрабандисту и устроитъ вамъ все, что нужно.

Пока хозяинъ комнаты сходилъ за товарищемъ Веньяминомъ, мы успѣли съ Владиміромъ поговорить о дѣлахъ вообще... Считая другъ друга товарищами, каждый изъ насъ все же помнилъ, что надо быть въ разговорѣ кон-

спиративнымъ и избѣгать всего, что не касается дѣла непосредственно: не называть именъ, городовъ, знакомыхъ и т. д. Черезъ нѣкоторое время пришелъ и Веньяминъ... Все обстояло вообще благопріятно для немедленной переправы, что случалось не всегда... Мы условились съ Веньяминомъ выѣхать завтра утромъ изъ Кишинева и направиться въ деревушку, гдѣ жилъ контрабандистъ. Надо было гдѣ-нибудь переночевать. Провести ночь у товарищей оказывалось дѣломъ довольно опаснымъ: за каждымъ изъ нихъ велась усиленная слѣжка, со дня на день ждали арестовъ (а эти аресты совершались часто прямо періодически, и товарищи знали приблизительно, когда ихъ ждать), и я рисковалъ, переночевавъ у нихъ, нарваться прямо на арестъ.

Рѣшили, что Веньяминъ отведетъ меня въ небольшую окраинную гостиницу, гдѣ хозяинъ былъ человѣкъ ему знакомый и терпимый насчетъ ночевки безъ прописки. Владиміръ скоро распростился со мной и ушелъ, пожелавъ мнѣ успѣха. Время до ночи я провелъ здѣсь же. Когда стало вечерѣть, мы съ Веньяминомъ отправились въ гостиницу. По дорогѣ для перемѣны вида купили новую шляпу.

Хозяинъ гостиницы, еврей, оказался человѣкомъ довольно привѣтливымъ и, главное, смѣтливымъ: онъ глядѣлъ на меня съ равнодушнымъ видомъ, какъ бы показывая мнѣ этимъ, что такіе случаи для него дѣло обыкновенное, привычное, и что онъ понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и онъ не прочь оказать мнѣ услугу. Какъ разъ въ этотъ день былъ еврейскій праздникъ — Судный день, если не ошибаюсь—и въ гостиницѣ было много знакомаго содержателю народа, который разговлялся послѣ дневного поста.

Стоялъ шумъ, говоръ, пахло съѣстнымъ... И вся эта обстановка дѣйствовала какъ-то успокоительно; она будто

говорила мнѣ: „смотри, здѣсь безпорядочно шумно, но мирно, покойно и весело... здѣсь всѣ чувствуютъ себя увѣренно, чувствуй и ты себя такимъ же“.

И мнѣ дѣйствительно стало почему-то легко и радостно... и росла надежда, что все сойдетъ удачно. Мнѣ отвели особую комнату... Поужинали съ Веньяминомъ, поболтали часокъ-другой. Веньяминъ былъ маленькаго роста, съ виду точно пришибленный, онъ плохо говорилъ по-русски, бесѣду со мной онъ велъ разспросами — и, хотя я зналъ, что это товарищъ, у меня невольно роилось въ душѣ какое-то, не могу сказать, недовѣріе... а... предубѣжденіе, что ли... Любопытство его ужъ было очень сильное и даже переходило рамки общеустановленной въ такихъ случаяхъ конспиративности: „Изъ какого города я ѣду? Зачѣмъ переправляюсь за границу? Студентъ ли я?“ и проч. При этомъ онъ смотрѣлъ на меня какъ-то странно: не то участливо, не то съ сожалѣніемъ, какъ на жертву, которая не сегодня, завтра будетъ возложена на алтарь хорошо извѣстнаго намъ обоимъ чудовища... Дѣйствительно ли онъ такъ выглядѣлъ, или это подсказывалось мнѣ моей мнительностью — я не берусь рѣшать. Во всякомъ случаѣ, позднѣе чувство недовѣрія къ нему исчезло, и мы разстались съ нимъ очень тепло.

Часамъ къ одиннадцати Веньяминъ ушелъ, и я, оставшись одинъ, улегся спать. Необычная обстановка, нетерпѣливое ожиданіе завтрашняго дня, сулившаго такъ много неизвѣстнаго, такъ возбудили меня, что, несмотря на усталость, мнѣ долго не удавалось заснуть. Вспоминались любимая дѣвушка и ея спутникъ...

— Гдѣ-то они теперь? Скоро будутъ уже у границы... А я еще только начинаю медленно, воровски приближаться къ ней: надо благополучно проспать эту ночь, благопо-

лучно добраться къ контрабандисту, пожалуй, выждать въ этой деревушкѣ день-другой, а затѣмъ уже двинуться къ самой границѣ, а что еще ожидаетъ меня здѣсь? Одна мелочь — и я провалился, тогда тюрьма, и Богъ знаетъ, когда я выберусь, и не видать мнѣ тогда моей Елены...

Долго копошились эти безсвязныя мысли... Я сталъ дремать... но вдругъ... „что же?...“ да... я проснулся. Почему“?... Кто-то стучалъ, меня разбудилъ стукъ... „да вѣдь это ко мнѣ стучатъ“!... Стучали дѣйствительно ко мнѣ, и пока я соображалъ все это, стукъ становился все сильнѣе и настойчивѣе... Сердце забилось... началась какая-то нервная дрожь... Я отвѣтилъ, что отпираю... Полуодѣвшись, я открылъ дверь. Передо мной предсталъ полицейскій чинъ со свѣчей въ рукѣ, за его спиной толпились два-три городовыхъ, а за ними въ корридорѣ какіе-то испуганные, съ заспанными лицами, евреи. Каждый изъ нихъ старался вытянуться и поглядѣть на меня, какъ бы спрашивая: „а кто ты такой, что къ тебѣ полиція пришла?“

— Ваша фамилія? — обратился ко мнѣ полицейскій чинъ.

Надо было отвѣчать, но передо мной явилась страшная дилемма: назваться ли настоящимъ именемъ и предъявить свое „проходное свидѣтельство“, или же дать дворянское свидѣтельство, которымъ мнѣ удалось заручиться въ родномъ городѣ... Надо было рѣшить это мгновенно, такъ или иначе: панъ или пропалъ. Я рѣшилъ назвать свое настоящее имя съ промелькнувшей мыслью, что надо быть легальнымъ до самой послѣдней возможности: это лучше, чѣмъ сразу сдѣлаться нелегальнымъ. Мелькнула и надежда, что съ „проходнымъ свидѣтельствомъ“ мнѣ, авось, удастся, если не уйти, то выйти сухимъ изъ воды..

— Моя фамилія С...,—отвѣтилъ я.

-- Будьте добры одѣться... я долженъ обыскать ваши вещи. Ѳедоръ, — обратился онъ къ одному изъ городовыхъ,—обыщи кровать и коммодъ.

Никакихъ предписаній объ обыскѣ или арестѣ полицейскій чинъ не предъявлялъ, я же и не думалъ спрашивать, зная, что это безполезно. Стали рыться въ вещахъ и кровати. Въ это время я успѣлъ одѣться. Полицейскій чинъ началъ рыться въ столѣ, затѣмъ спросилъ паспортъ. Пиджакъ ужъ былъ на мнѣ, а въ немъ хранились оба вида. Я вытащилъ изъ бокового кармана „проходное", предъявилъ чину и сталъ ждать, когда начнутъ обыскивать меня и найдутъ дворянское свидѣтельство. Правда, въ головѣ уже сложилась исторія о томъ, какъ оно очутилось у меня, но я сознавалъ, что когда его найдутъ, чинъ станетъ смотрѣть на меня болѣе, чѣмъ подозрительно, и окончательно усомнится въ моей личности, — вообще, явится крайне скверная улика. Я ждалъ... и въ душѣ тревожно недоумѣвалъ: „какимъ образомъ и по какой причинѣ явилась ко мнѣ полиція? Неужели предстоитъ арестъ, отправка подъ конвоемъ въ Петербургъ, а то и сидѣніе въ тюрьмѣ? Неужели рухнетъ осуществленіе страстно-лелѣемой мечты очутиться за границей"?...

Чинъ позвалъ хозяина... Тотъ явился крайне растерянный и бросалъ на меня особенные вопрошающіе взгляды: „есть ли у тебя документы, не подведешь ли ты меня?".

На вопросъ чина хозяинъ отвѣчалъ, что совершенно не знаетъ меня, что я пришелъ сегодня переночевать одну ночь, что паспортъ онъ случайно позабылъ спросить у меня, что пришелъ я одинъ и т. д. Отвѣты были для меня довольно благопріятные. Между тѣмъ, все было обыскано. Я съ тревогой ждалъ, что начнутъ обыскивать и

меня, но этого почему-то не догадались сдѣлать. Въ моемъ карманѣ остались нетронутыми не только дворянское свидѣтельство, но и маленькія бумажки, на которыхъ были занесены кое-какіе адреса и имена,—за нихъ я особенно боялся: попадись онѣ, было бы скверно и мнѣ и другимъ, открылась бы связь между мной и лицами, которыхъ полиція такъ или иначе должна была считать подозрительными, а можетъ быть и уже держала въ своихъ цѣпкихъ лапахъ.

Пока все это, къ счастію, было не тронуто, и я уже придумывалъ, какъ бы отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ этихъ бумажекъ. Между тѣмъ, я еще не зналъ причины обыска. На мой вопросъ чинъ не отвѣтилъ, а лишь недоумѣвающе проговорилъ:

— Какъ же это? Вѣдь вамъ путь въ Петербургъ, а вы очутились въ Кишиневѣ... странно... Я долженъ васъ задержать. Вы отправитесь съ городовымъ въ мой участокъ и пробудете тамъ до утра, а тамъ приставъ доложитъ о васъ полиціймейстеру. Отведи его, Өедоръ, въ участокъ. Будьте добры одѣться. У васъ никакихъ вещей нѣтъ съ собой?

— Нѣтъ, я оставилъ ихъ на вокзалѣ...

Пришлось надѣть пальто и итти за городовымъ въ сопровожденіи чина и остальныхъ полицейскихъ. Вся толпа въ коррндорѣ шарахнулась въ сторону и лишь издали съ любопытствомъ глядѣла на проходившую процессію, особенно на меня.

На улицѣ чинъ оставилъ со мной городового Өедора, съ которымъ я и продолжалъ свое шествіе въ участокъ. Городовой молчалъ, да я и не пытался заговаривать съ нимъ, обдумывая лишь одно: какимъ образомъ отдѣлаться отъ бумажекъ?

Посмотрѣлъ я вкось на лицо и фигуру моего хранителя и убѣдился, что это провинціальный добродушный дѣтина, столичнаго обхожденія съ такими рѣдкими господами, какъ я, видимо, не знаетъ, и шествуетъ рядомъ со мной, чувствуя себя по отношенію ко мнѣ болѣе растерянно, чѣмъ враждебно. Я рѣшилъ итти молча, немного отстать и, скомкавъ въ карманѣ бумажки, незамѣтно выбросить ихъ. Удалось вложить руку въ карманъ... бумажки уже въ рукѣ и скомканы... еще нѣсколько минутъ, и рука была спокойно вынута изъ кармана, а скомканныя бумажки незамѣтно брошены на землю... На душѣ у меня точно камень отвалило. Въ это время мы уже подходили къ участку. Было два или три часа ночи.

Въ пріемной еле мерцалъ какой-то огонекъ: то была ночная лампада. Комната была грязная, душная... У стола, сидя на табуретѣ, не то спалъ, не то дремалъ какой-то городовой—это былъ дежурный. Пришедшій со мной городовой разбудилъ его и сказалъ, что долженъ сторожить меня здѣсь до утра, пока доложатъ обо мнѣ приставу.

Разбуженный городовой очень равнодушно принялъ это извѣстіе, безучастно скользнулъ по мнѣ взглядомъ, указалъ рукой на кресло съ другой стороны стола и опять погрузился въ дремоту.

Я сѣлъ въ хромоногое и продырявленное отъ долгаго сидѣнія кресло и сталъ раздумывать: „Что же теперь будетъ? Надо, не раздѣваясь, сидѣть здѣсь, въ этой вонючей и грязной комнатѣ, до утра, ждать какого-то доклада приставу, потомъ полиціймейстеру... Что же изъ всего этого выйдетъ?“

Голова тяжелѣла и наливалась какимъ-то свинцомъ, сердце щемила боль отъ вида всей этой гнусной, грязной, удушливой и такъ уже знакомой мнѣ обстановки поли-

цейскаго участка... Вся русская жизнь вдругъ предстала передо мной въ образѣ этого участка, въ которомъ я сидѣлъ—и еще болѣе защемило сердце отъ тоски по заграницѣ, по культурной и свободной жизни... Я забывался въ тяжелой дремотѣ... Такъ продолжалось до ранняго утра, когда стали приходить съ постовъ городовые. Всѣ оглядывали меня на минуту и затѣмъ переставали обращать на меня вниманіе, перекидывались тяжелой руганью и грубыми остротами. Часамъ къ девяти пришли писцы, заспанные, одутловатые не то отъ пьянства, не то отъ скуки, въ грязныхъ, замасленныхъ платьяхъ... „Господи! какъ это все было знакомо по родному городу и „родному" участку!" Начали приходить и просители, униженные, умоляющіе... привели какого-то пьянаго—и все это толпилось и поджидало пріема господина пристава. Сидѣть такъ дольше становилось положительно невыносимымъ.

— Скоро ли, наконецъ, приставъ встанетъ? — обращался я къ сторожившему меня городовому Ѳедору, и въ отвѣтъ получалъ одно и то же: „скоро встанутъ".

А это „скоро" тянулось часами. Но вотъ, изъ какой-то комнаты выносятъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. . смотрю: несутъ мнѣ...

— Господинъ приставъ велѣлъ подать вамъ чаю. Скоро самъ выйдетъ.

Этой любезности я не ожидалъ. Видно, чинъ успѣлъ уже доложить ему обо мнѣ. Я выпилъ чай, и минутъ черезъ десять вышелъ приставъ и позвалъ меня въ другую комнату.

— Васъ задержали,—началъ онъ довольно мягко,—придется доложить о васъ полиціймейстеру. Черезъ полчаса мы поѣдемъ съ вами къ нему въ управленіе... Пока посидите, пожалуйста: я отдѣлаюсь отъ просителей.

Просители приходили и уходили... голосъ пристава и манера обращенія съ ними совершенно измѣнились. Я не узнавалъ его: грубъ, золъ и жестокъ. Полчаса растянулись въ добрый часъ. Я изнывалъ и мучился этимъ долгимъ ожиданіемъ. Наконецъ, сѣли на извозчика и поѣхали въ управленіе... Грустно и скверно стало на душѣ: я не такъ тревожился относительно того, что ожидало меня въ будущемъ, какъ мучился тѣмъ, что все рухнуло.

„Гдѣ-то Веньяминъ? Что онъ подумаетъ, когда узнаетъ, что меня арестовали?...“

Вдругъ мимо меня явственно промелькнуло лицо Веньямина... Онъ смотрѣлъ на меня крайне изумленно, но такъ, что это видѣлъ только я. А я, конечно, даже успѣлъ сдѣлать ему мину, которая должна была сказать, что все рушилось: „видишь, я въ рукахъ полиціи...“

Меня неотступно стала преслѣдовать мысль: „что предприметъ Веньяминъ? неужто пойдетъ въ гостиницу? Вѣдь тамъ могла быть устроена засада...“

Мы подъѣхали къ управленію. Войдя въ комнаты, приставъ попросилъ меня подождать, шепнувъ что-то на ухо дежурившему квартальному. Минутъ черезъ двадцать меня повели въ другую комнату: здѣсь было нѣсколько приставовъ, секретарь и самъ господинъ полиціймейстеръ...

Во время ночного бденія въ участкѣ и по дорогѣ къ управленію я успѣлъ надумать цѣлый рядъ отвѣтовъ на вопросы, которые могли быть мнѣ предложены полиціймейстеромъ. Исторія мной была надумана довольно правдоподобная; все остальное зависѣло отъ добродушія и незлобія господъ полицейскихъ...

— Пожалуйста, садитесь,—обратился ко мнѣ полиціймейстеръ, оглядывая меня съ ногъ до головы, — э-э...

скажите, пожалуйста,—началъ онъ черезъ минуту, заминаясь: — какимъ образомъ вы очутились въ Кишиневѣ? вѣдь у васъ проходное свидѣтельство въ Петербургъ?

Я началъ излагать придуманную мной исторію.

— Да, мнѣ нужно было ѣхать въ Петербургъ... Но позвольте объяснить вамъ, въ чемъ дѣло.

— Пожалуйста, я слушаю.

— Я былъ студентомъ Ф-скаго института. Черезъ годъ меня въ Петербургѣ арестовали и впредь до разбора дѣла выслали на родину... Здѣсь я пробылъ десять мѣсяцевъ; 25 сентября мнѣ вдругъ въ жандармскомъ управленіи объявили, что мое поднадзорное состояніе переносится въ Петербургъ и мнѣ разрѣшено снова поступить въ институтъ. Это разрѣшеніе пришло для меня совершенно неожиданно. Денегъ на поѣздку у меня не было, а выѣзжать приходилось немедля, на другой же день. Пришлось задуматься, гдѣ достать денегъ. Пріѣхавъ въ Одессу, я надѣялся достать ихъ у тамошнихъ знакомыхъ. Но оказалось, что знакомые мои находятся въ Кишиневѣ. Тогда я рѣшилъ уклониться отъ пути слѣдованія въ Петербургъ, какъ этотъ путь указанъ въ проходномъ свидѣтельствѣ, и поѣхалъ на день-другой въ Кишиневъ. Я надѣялся, что запозданіе на два-три дня не создастъ для меня въ Петербургѣ особенныхъ затрудненій: въ худшемъ случаѣ, присудили бы у мирового къ недѣлѣ аресту или штрафу. Въ Кишиневѣ я очутился къ вечеру, города я не зналъ, сейчасъ же розыскивать знакомыхъ было трудно, и я, оставивъ вещи на вокзалѣ, зашелъ переночевать въ первую попавшуюся гостиницу, надѣясь на другой день найти знакомыхъ и выѣхать обратно въ Одессу и оттуда уже въ Петербургъ... А вмѣсто этого попалъ вотъ къ вамъ, въ полицію. Совершенно недоумѣваю, почему меня задержали?

Будьте добры выяснить это недоразумѣніе и выпустить меня сегодня же обратно въ Одессу...

Я замолчалъ и сталъ ждать, что скажетъ господинъ полиціймейстеръ. А господинъ полиціймейстеръ былъ, по-видимому, подкупленъ правдивостью моего разсказа: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, все такъ просто и естественно...

— Да... странно... а скажите, ваши вещи на вокзалѣ?

— Да.

— Надо будетъ поѣхать съ ними на вокзалъ осмотрѣть вещи, — обратился онъ къ привезшему меня приставу, и затѣмъ снова повернулся ко мнѣ:—Если въ вашихъ вещахъ ничего подозрительнаго нѣтъ, то я отпущу васъ...

— Да, кстати, — вспомнилъ я, крайне обрадованный:— въ вещахъ у меня мои документы: свидѣтельство объ окончаніи реальнаго училища, о пребываніи въ теченіе года студентомъ, метрическое свидѣтельство и др.

— Вотъ и прекрасно, — обрадовался и полиціймейстеръ: — привезите ихъ сюда, я посмотрю, и тогда отпущу васъ съ Богомъ... Видно и впрямь, съ вами случилось непріятное недоразумѣніе... а все же впредь не совѣтую вамъ уклоняться отъ пути,—прибавилъ онъ не то начальственно, не то иронически...

Мы сейчасъ же поѣхали съ приставомъ на вокзалъ. Здѣсь на виду жандармовъ, недоумѣвающей публики, станціонныхъ служителей, приставъ разворошилъ мои вещи, которыя всѣ были въ одномъ чемоданчикѣ. Ничего предосудительнаго не было. Документы мои онъ захватилъ съ собой, и мы поѣхали обратно въ управленіе.

— Ну, что же?— обратился полиціймейстеръ къ приставу съ видомъ ожиданія чего-то особеннаго.

— Ничего предосудительнаго не нашелъ. А вотъ и ихъ документы...

Полицiймейстеръ пробѣжалъ ихъ глазами: лучшаго доказательства, что я именно тотъ, о которомъ говорится въ проходномъ свидѣтельствѣ, онъ, разумѣется, не могъ найти.

Все обстояло очень гладко. А о хранящемся въ моемъ карманѣ чужомъ документѣ вѣдь никто не зналъ...

— Ну, что же, придется отпустить васъ, только вотъ... надо будетъ къ вашему свидѣтельству пришить заявленiе нашего Кишиневскаго управленiя, что вы были такого-то числа задержаны въ Кишиневѣ. Василiй Ивановичъ, — обратился онъ къ секретарю, — напишите-ка заявленiе и пришейте къ свидѣтельству. Ну, а вы, молодой человѣкъ, должны сегодня же выѣхать въ Петербургъ... Когда отходитъ ближайшiй поѣздъ въ Одессу? Кажется, въ пять?

— Да... да... въ пять,—подтвердилъ кто-то.

— Ну, такъ вотъ... Въ пять и уѣзжайте. Да, вотъ что, Петръ Иванычъ, позвалъ онъ стоявшаго поотдаль помощника пристава,—вы въ пять часовъ будьте на вокзалѣ и проводите этого молодого человѣка.

— Слушаю-съ!

Помощникъ пристава подошелъ ко мнѣ.

— Я буду ждать васъ на вокзалѣ. Только ужъ будьте добры, подойдите сами ко мнѣ, а то я близорукъ и, пожалуй, васъ не узнаю,—попросилъ онъ меня.

— Пожалуйста, пожалуйста,—живо отвѣтилъ я, обрадованный такимъ исходомъ дѣла.

— Ну-съ, вотъ ваше свидѣтельство. Вы свободны... Въ пять часовъ вы, немедля, должны выѣхать изъ Кишинева. Я васъ не задерживаю,—и господинъ полицiймейстеръ повернулся ко мнѣ спиной, точно ничего особеннаго не случилось...

Я выходилъ изъ управленiя радостно недоумѣвающiй.

„Что за оказія? Только что былъ въ рукахъ полиціи, и такъ легко ушелъ—и опять свободенъ?! Но куда же итти?"

Передо мной раскинулся какой-то скверъ. Я повернулъ въ него.

„Что предпринять? Ничего... остается ѣхать въ Петербургъ. Грустно... А друзья - то ждутъ меня въ Вѣнѣ... но о Вѣнѣ, о заграницѣ и думать теперь нельзя. Слава Богу, что хоть такъ легко отдѣлался, все же на свободѣ!"

Шелъ я такъ и раздумывалъ. Но что это? Сзади кто-то догоняетъ меня. Слышу сдержанный окрикъ: „подождите!" Я обернулся и изумился: меня догонялъ Веньяминъ!

— Что вы такъ быстро шли? Что съ вами случилось? Идите за мной сюда, — онъ повернулъ въ другую аллею, гдѣ было пустынно: — Какимъ образомъ вы опять на свободѣ? вѣдь васъ арестовали? я шелъ къ вамъ въ гостиницу и на дорогѣ встрѣтилъ васъ на извозчикѣ съ приставомъ. Вы меня видѣли? Ну, я рѣшилъ всетаки пойти въ гостиницу узнать, въ чемъ дѣло... Хозяинъ сказалъ, что пришла ночью полиція, какъ будто дѣлала облаву и забрала васъ. Ну, я потомъ подумалъ: васъ, навѣрное, повезли къ полиціймейстеру, я вѣдь встрѣтилъ васъ съ приставомъ уже недалеко отъ полицейскаго управленія, я и пойду сюда, буду выглядывать изъ этого бульвара. Подожду, что выйдетъ; можетъ, повезутъ васъ куда, или что... Я крутился здѣсь цѣлый часъ... Хожу... и вдругъ вижу: вы выходите изъ управленія, сами... я подождалъ: не пойдетъ ли кто за вами? Никто не пошелъ... Ну, что? васъ выпустили совсѣмъ?

— Да, обыскали вещи, ничего не нашли, выпустили, но только въ пять часовъ меня проводитъ приставъ на вокзалъ; будетъ наблюдать, что-бы я уѣхалъ непремѣнно въ Одессу... Какъ скверно, придется ѣхать въ Петербургъ...

— Почему?—живо возразилъ Веньяминъ:—вѣдь вы до пяти часовъ свободны... Ѣдемъ сейчасъ же, куда намъ нужно. Черезъ полчаса идетъ поѣздъ на Унгени и Бухарестъ, нужно поспѣть къ нему. Идемъ скорѣе на вокзалъ. Чего вы носъ опустили? дѣла обстоятъ прекрасно!

— Да что вы, Веньяминъ, глупите? Какъ же я поѣду съ вами сейчасъ? За мной, навѣрное, слѣдятъ, жандармы на вокзалѣ тоже меня знаютъ: они видѣли, какъ дѣлали у меня обыскъ. Ну, а потомъ, вѣдь меня въ пять часовъ будетъ ждать приставъ на вокзалѣ. Если я не пріѣду, онъ забьетъ тревогу, пойдутъ искать... да, наконецъ, какъ же я съ вещами буду, если я возьму ихъ сейчасъ, меня, навѣрное, задержатъ?

— Да плюньте вы на все это! Что вы, ребенокъ, что-ли? Вамъ вовсе не надо встрѣчаться съ жандармами на вокзалѣ. Я проведу васъ прямо въ вагонъ, возьму самъ билеты, а вещи ваши пусть идутъ къ черту, неужели изъ-за вещей вы будете долго раздумывать? Ну, скорѣе, идемъ, а то опоздаемъ. Идите сзади меня, на всякій случай. Ну, скорѣе! Что вы, чудакъ, раздумываете?...

Такая поспѣшность совершенно ошеломила меня, и я безвольно ускорялъ шаги за Веньяминомъ.

„Какъ же это? Неужели рискнуть и поѣхать? А что если будетъ погоня, когда приставъ спохватится? И затѣмъ, какъ же, совсѣмъ безъ вещей?“

Но перспектива все же перебраться не сегодня-завтра черезъ границу и увидаться съ друзьями послѣ этихъ треволненій, выполнить порученіе, снова захватила меня... и я только радостно дрожалъ отъ мысли, что переправа все же удастся, несмотря на ночное пребываніе въ рукахъ полиціи. Мы уже были около вокзала, оба страшно запыхались. Веньяминъ провелъ меня черезъ полотно дороги

на другую сторону поѣзда... тамъ мы повертѣлись минуты двѣ, дѣлая видъ, что прогуливаемся, затѣмъ мы вошли въ вагонъ. Веньяминъ пошелъ за билетами. Такимъ образомъ, я вошелъ въ поѣздъ, совсѣмъ незамѣченный жандармами. Дежурные изъ нихъ могли, правда, пройтись по поѣзду, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ, присматриваясь къ лицамъ публики, и я этого страшно боялся. Пока Веньяминъ безконечно долго, какъ казалось мнѣ, ходилъ за билетами, я частенько заглядывалъ въ уборную, чтобы меньше быть на глазахъ у публики... Наконецъ, пришелъ Веньяминъ. Поѣздъ уже далъ второй свистокъ...

— Дайте вашу квитанцію на вещи. Владиміръ здѣсь, въ другомъ вагонѣ. Онъ ѣдетъ по дѣлу на третью станцію. Если все будетъ благополучно, то онъ возьметъ съ вокзала черезъ недѣлю ваши вещи и отправитъ вамъ по адресу, куда—вы тогда укажете...

Я отдалъ квитанцію, и усѣлся уже совсѣмъ обрадованный; оказывается, что и вещи можно будетъ получить, лишь бы въ Кишиневѣ не хватились меня!

Поѣздъ уносилъ насъ къ югу, къ Румыніи; легкій вѣтерокъ, причудливый видъ полей вызвали во мнѣ ощущеніе какой-то удивительной легкости; я теперь былъ свободенъ, какъ свободенъ былъ самъ вѣтерокъ, шаловливо врывавшійся къ намъ въ окно; Веньяминъ былъ также необычайно веселъ; его особенно радовало, что я такъ легко провелъ его кишиневскихъ ненавистниковъ.

— Ну, и будетъ о чемъ разсказать о васъ въ Кишиневѣ... какъ вы ихъ надули и ушли изъ-подъ самаго носа...

— Много ли намъ ѣхать еще?

— Да всего три станціи, черезъ часъ мы будемъ тамъ, возьмемъ подводу и къ вечеру уже будемъ на мѣстѣ. Тамъ славно закусимъ, выпьемъ бессарабскаго вина. Вы

любите? да, и непремѣнно закажемъ мамалыги, это все намъ устроитъ жена контрабандиста. Вечеромъ же потолкуемъ, условимся, и завтра ночью вы уже будете по ту сторону Прута. Думаю, что все удастся. Вы успокоились уже?

Веньяминъ успокаивалъ меня, и въ его словахъ чувствовались неподдѣльная ласка и участіе. Мы незамѣтно проговорили всю дорогу. Раздался свистокъ. Мы подъѣзжали къ станціи Пырлицы. Изъ вагоновъ выползло человѣкъ съ десять разнаго народа, преимущественно евреевъ и молдаванъ. Станціонный жандармъ мирно и благодушно посматривалъ на вылѣзавшую изъ вагоновъ публику и въ эту минуту, видимо, былъ меньше всего настроенъ къ подозрительности. Раздались крики приближавшихся возчиковъ - фурманщиковъ, шумно перебивавшихъ другъ у друга нанимателей, ихъ чуть не таскали за полы. Все совершалось такъ мирно и такъ шумновесело, что и я, обыкновенно нервный и тревожный при всякой высадкѣ передъ лицомъ жандарма, теперь чувствовалъ себя мирнымъ участникомъ этой сутолоки. Мы съ Веньяминомъ. также приблизились къ фурманщикамъ: они стали немилосердно теребить насъ, выхваливая своихъ лошадей, на которыхъ тѣмъ не менѣе были лишь кожа да кости. Но Веньяминъ нашелъ среди фурманщиковъ своего знакомаго; этотъ шумно обрадовался и ужъ, конечно, не выпускалъ насъ. Веньяминъ также шумно, по-еврейски, торговался; наконецъ, сошлись въ цѣнѣ, подождали еще двухъ-трехъ спутниковъ, и съ кудахтаньемъ куръ, находившихся при нашихъ спутникахъ, съ неимовѣрнымъ гиканьемъ и чмоканьемъ фурманщиковъ, мы тронулись въ путь. «Вотъ и станцію съ жандармомъ миновали, теперь можно быть спокойнѣй. Передо мной лишь степь вольная и широкая,

укрыться въ ней легко... а тамъ и вечеръ въ деревушкѣ... тоже все совершится мирно и незамѣтно. Все идетъ прекрасно...» И мнѣ становилось легко и весело. Я шутилъ съ Веньяминомъ, вторилъ остротамъ фурманщика, который оказался добродушнѣйшимъ парнемъ. Пыль насъ особенно не донимала, а видъ холмистыхъ полей съ своеобразными молдаванскими деревушками, съ ихъ синими хатами, вызывалъ въ моей фантазіи представленіе о Румыніи, которая непремѣнно должна была походить своимъ внѣшнимъ видомъ на эти поля, на эти милыя, даже, казалось мнѣ, таинственныя синія хатенки... И я будто уже чувствовалъ себя на иной, не русской почвѣ, почти наполовину уже за границей.

Уже вечерѣло, когда вдали показалась наша деревушка—мѣстечко Фалешты. Въ самое мѣстечко мы въѣхали уже въ совершенной темнотѣ. На улицахъ было оживленно; всюду виднѣлись кучки людей, жестикулировавшихъ и громко говорившихъ о чемъ-то. Одѣяніе на нихъ, насколько позволяла различить темнота, было городское; все это были евреи, оказалось, что и все мѣстечко состояло сплошь изъ евреевъ. Наша фура медленно пробиралась по темнымъ и узкимъ переулкамъ; то и дѣло кто-нибудь окликалъ насъ, особенно фурманщика, который налету сообщалъ вокзальныя новости. Изъ одной группы раздался вдругъ голосъ, обратившій на себя вниманіе Веньямина.

— Это, кажется, нашъ, — шепнулъ онъ мнѣ, — ребъ Зейликъ, это вы?

— Это я, а кто меня спрашиваетъ? — живо отвѣтилъ тотъ же голосъ.

И къ нашей фурѣ сталъ приближаться силуэтъ. Подойдя ближе, онъ узналъ высунувшагося Веньямина и радостно привѣтствовалъ его.

— Шулемъ алейхемъ (еврейскій привѣтъ)! Алейхемъ шулемъ!—не менѣе радостно отвѣтилъ ему Веньяминъ.

— Вылѣзайте изъ фуры. Вы ко мнѣ?

— Да, но только не одинъ. Выйдемъ,—обратился онъ ко мнѣ.

Мы вышли. Веньяминъ расплатился съ фурманщикомъ, фура грузно покатилась дальше, а мы остались съ Зейликомъ.

— Познакомьтесь, хорошій человѣкъ,—отрекомендовалъ меня Веньяминъ Зейлику.

Мы пожали другъ другу руки и пошли втроемъ рядомъ. Между Зейликомъ и Веньяминомъ завязался разговоръ наполовину на русскомъ, наполовину на еврейскомъ языкѣ; разговоръ былъ обыденный, но одна-двѣ фразы, сказанныя по-еврейски и какъ-то вскользь, дали, повидимому, знать Зейлику, кто я такой и зачѣмъ сюда пріѣхалъ. Да и съ перваго момента было видно, что Зейликъ не любопытствуетъ на мой счетъ, потому что и такъ знаетъ, кого привозитъ ему Веньяминъ.

Въ это время насъ нагнала группа людей, изъ которой ранѣе выдѣлился Зейликъ; тамъ оказались родственники и хорошіе знакомые; всѣ они знали Веньямина, фамильярно-радушно здоровались съ нимъ, а мнѣ молчаливо пожимали руку, какъ бы подчеркивая этимъ, что они не желаютъ стѣснять меня своимъ плохимъ русскимъ выговоромъ, а зачѣмъ пріѣхалъ я, они вѣдь и такъ, безъ словъ, хорошо знаютъ! Всѣ пошли вмѣстѣ. У всѣхъ былъ видъ, какъ будто и равнодушный, болтали о совершенно постороннихъ вещахъ, но чувствовалось, что каждый заинтересованъ вопросомъ: чтó я за товаръ? и неужели только Зейликъ поживится отъ меня? нельзя ли какъ-нибудь и имъ примоститься ко мнѣ? Веньяминъ шелъ рядомъ со

мной; между разговоромъ онъ успѣлъ шепнуть мнѣ, чтобы я держался какъ можно проще, какъ будто пріѣхалъ съ нимъ по торговому дѣлу, и ни въ какомъ случаѣ не вступалъ въ разговоръ и не открывалъ истинной цѣли своего пріѣзда идущимъ со мной людямъ. Всѣ бесѣдовали мирно, но уже чувствовалось, что идетъ борьба за добычу, растетъ зависть и злоба.

— Вы, вѣрно, голодны? зайдемъ къ Хаѣ харчевницѣ, тамъ насъ угостятъ фаршированной колбасой; я вѣдь знаю, Веньяминъ, что вы до нея большой охотникъ, тамъ же можно достать и недурной стаканъ вина; съ дороги это пріятно и полезно, и пахнетъ очень хорошо (специфически-еврейскій оборотъ рѣчи).

Зейлику очень хотѣлось отдѣлаться отъ своихъ друзей, но прямо сдѣлать это онъ не рѣшался, не желая выдать свой исключительный интересъ ко мнѣ. Говоря о харчевнѣ, онъ обращался исключительно къ намъ, ко мнѣ и Веньямину, другихъ войти не приглашалъ, но прямо не говорилъ и обратнаго. Поэтому наши спутники преспокойно послѣдовали за нами въ харчевню, расположились около насъ, пили наше вино, ѣли нашу колбасу и этимъ дали поводъ Зейлику потомъ, съ нами наединѣ, злобно замѣтить на ихъ счетъ:

— Они всегда рады выпить и поѣсть на чужой счетъ, почуяли уже добычу и мостятся къ ней.

Въ харчевнѣ старая Хая и ея дочь Шейнель тоже съ виду не выказывали особеннаго любопытства на мой счетъ, но по ихъ косымъ взглядамъ, которые онѣ иногда бросали въ мою сторону, видно было, что онѣ крайне заинтересованы мной, какъ новымъ человѣкомъ, и тоже будто давали знать, что ихъ дѣло сторона, что онѣ подаютъ вино и колбасу, когда ихъ требуютъ, но, что, конечно, прекрасно

знають, зачѣмъ я могъ пріѣхать къ нимъ въ Фалешты, особенно если пріѣхалъ къ Зейлику: „кто же не знаетъ, чѣмъ онъ занимается!..“

А Зейликъ этотъ былъ, какъ казалось мнѣ, типичный контрабандистъ. Весельчакъ, любившій много поболтать, выпить, умѣвшій, балагурить и своимъ балагурствомъ заговаривать зубы, замазывать глаза. Чувствовалась нѣкоторая дерзость въ обращеніи и сознаніе своего превосходства надъ окружающими его обывателями и знакомыми. Къ тому же онъ былъ циникъ и то и дѣло отпускалъ двусмысленныя остроты въ сторону молодой дѣвушки. Шейнель и Хая только посмѣивались и отшучивались, какъ будто говоря этимъ, что кто же Зейлика не знаетъ въ Фалештахъ: онъ всегда такой шутникъ и балагуръ! Имъ и въ голову не придетъ обижаться на Зейлика!..

Во все время этой веселой бесѣды и выпивки я чувствовалъ себя не особенно ловко; по-еврейски я не говорилъ и долженъ былъ больше молчать; а это еще болѣе подчеркивало мое особое положеніе. Веньяминъ же точно родился здѣсь: онъ фамильярно болталъ и шутилъ съ ними, похлопывалъ по плечу, чокался, вспоминалъ съ Зейликомъ свои прежніе наѣзды въ Фалешты, когда они выпили тогда-то столько-то, а тогда-то ѣли прекрасную мамалыгу... Удивительнѣй всего для меня было то, что Зейликъ какъ будто и не обращалъ вниманія на меня: приглашалъ только пить, ѣсть и больше ничего... Послѣ добраго часа болтовни и ѣды Веньяминъ расплатился (деньги на расходы я ему отдалъ заранѣе), и мы вышли на улицу, направляясь не то къ Зейлику, не то въ какое-то другое мѣсто. Оказалось, что Зейликъ ведетъ насъ въ одну гостиницу къ своимъ знакомымъ, у которыхъ обыкновенно останавливались пріѣзжіе. Пришли туда. Здѣсь та же картина. Со мной не

говорятъ, почти не смотрятъ на меня, но такъ и даютъ понять, что и они прекрасно знаютъ, зачѣмъ я сюда явился, разъ пришелъ съ Зейликомъ. А Зейликъ, между тѣмъ, сторговывался съ хозяйкой насчетъ ночлега и отпускалъ свои пошлыя, заигрывающія остроты.

Веньяминъ, къ моему удивленію и огорченію, поддерживалъ ихъ, отвѣчая въ тонъ, смѣясь имъ.

Ночью наединѣ онъ объяснилъ мнѣ, что все это онъ дѣлаетъ намѣренно; иначе нельзя, надо не выдѣляться изъ ихъ среды, и попадать имъ въ тонъ, поддерживать амикошонство. И я понялъ его, понялъ, что, какъ это ни тяжело само по себѣ, но дѣйствительно помогаетъ дѣлу.

Ночь провели покойно. Часовъ въ десять къ намъ пришелъ Зейликъ. Мы выпили чаю и вышли вмѣстѣ. Только теперь, по дорогѣ къ дому Зейлика, Веньяминъ разговорился съ нимъ насчетъ моего пріѣзда и необходимости немедленной переправы. Переправа, по словамъ Зейлика, была теперь вообще недурна. По дорогѣ въ Фалешты я упросилъ Веньямина пробыть въ Фалештахъ до тѣхъ поръ, пока я такъ или иначе не переправлюсь, чтобъ онъ зналъ объ этомъ навѣрняка. Теперь же, слыша отъ Зейлика увѣренія въ томъ, что переправа должна непремѣнно удасться и что мы сегодня же ночью выѣдемъ къ границѣ, Веньяминъ рѣшилъ, что его пребываніе здѣсь далѣе излишне, настолько все обстоитъ хорошо и гладко. Какъ ни жутко мнѣ было остаться одному, но я все же долженъ былъ согласиться. Рѣшили, что Веньяминъ можетъ уѣхать обратно сегодня же. А мы съ Зейликомъ ночью двинемся въ путь. Если не удастся переправиться сегодня (могли, вѣдь, быть всякія случайности), то ужъ завтра ночью переправа удастся непремѣнно.

Пришли въ домъ Зейлика. Единственная комната, кромѣ

кухни, была мала, грязна; мебель состояла изъ какого-то хлама: здѣсь поломанный стулъ, тамъ провалившаяся кушетка; четверо дѣтей малъ-мала меньше, въ грязныхъ панталончикахъ и рубашенкахъ ползали по полу и возились съ замасленными до неузнаваемости игральными картами. Жена Зейлика, Лея, изможденная, худая, съ синими кругами подъ большими, черными, метавшими искры, глазами, вышла изъ кухни привѣтствовать насъ; она уже все знала и, умѣя сказать только нѣсколько десятковъ словъ по-русски, она молчаливо пожала мою руку. Она уже приготовила для всѣхъ насъ обѣдъ, скоро мы сѣли за него. Убогая и жалкая обстановка соотвѣтствовала и убогому обѣду; а вѣдь онъ былъ приготовленъ для гостей и претендовалъ на нѣкоторое обиліе. Дѣтямъ дали миску въ сторонкѣ, тамъ началась возня, вой, драка. Отецъ кричалъ на нихъ и ругался, и въ то же время любезно потчивалъ меня.

Съѣли обѣдъ. Немного поболтали. Веньяминъ снова потолковалъ о переправѣ, прося Зейлика сдѣлать мнѣ все, какъ если бы онъ дѣлалъ это ему, Веньямину, и сталъ прощаться. Надо было поспѣть къ отходившей фурѣ и къ сегодняшнему поѣзду.

Мы крѣпко расцѣловались, онъ горячо просилъ меня быть спокойнымъ, увѣрялъ, что я остаюсь въ хорошихъ рукахъ, что онъ увѣренъ въ Зейликѣ, какъ въ себѣ, и что все вообще удастся, какъ нельзя лучше. Еще и еще разъ пожелавъ мнѣ успѣха, онъ, наконецъ, ушелъ вмѣстѣ съ Зейликомъ.

Я остался одинъ и почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ; пока всетаки былъ свой человѣкъ, товарищъ, а теперь я одинъ среди чужихъ людей. Даже говорить съ ними я не умѣлъ. Я усѣлся у окна и сталъ ждать вечера. Ребятишки, немного попривыкши, стали подходить ко мнѣ,

теребили за колѣно, кто-то изъ нихъ даже заговорилъ со мной; я же только гладилъ ихъ по головкѣ, и даже отвѣтить имъ не умѣлъ, отъ этого становилось еще тяжелѣе.

Мимо окна шныряли разныя фигуры, кое-кто заходилъ и, вызвавъ Лею, покупалъ у нея контрабандный чай. Уходя, эти люди бросали въ мою сторону догадливые взгляды: „знаемъ, зачѣмъ ты у Зейлика“. Эти посѣтители вызывали во мнѣ тревогу: неровенъ часъ, проболтается, долетитъ до здѣшнихъ сельскихъ властей, а тамъ, можетъ быть, уже ищутъ по приказу изъ Кишинева...

Часа черезъ два пришелъ Зейликъ, сообщилъ, что Веньяминъ уѣхалъ и велѣлъ кланяться. Зейликъ повертѣлся немного, онъ также чувствовалъ себя неловко со мной и ушелъ. Я опять сидѣлъ, одинъ молча, одинъ,.. то ласкалъ ребятишекъ, то смотрѣлъ въ окно.

Изрѣдка изъ кухни выходила Лея, привѣтливо улыбалась, какъ бы желая поддержать этимъ мою бодрость, и снова уходила. Долго, безконечно долго тянулось время до вечера. Наконецъ, насталъ и вечеръ. Возвратился Зейликъ. Прошло еще довольно много времени за приготовленіемъ и ожиданіемъ ужина, но уже было веселѣе. Послѣ ужина Зейликъ пошептался съ женой, давая ей, очевидно, какія-то инструкціи, затѣмъ пошелъ къ лошади и кабріолету приготовить все къ выѣзду. Въ десять часовъ вечера я, наконецъ, простился съ Леей и сѣлъ вмѣстѣ съ Зейликомъ въ кабріолетъ.

Выѣзжали мы тихо, чтобы не обратить на себя чьего-либо вниманія. Только далеко за околицей лошадь пошла крупнымъ бѣгомъ. Сердце радостно билось. Сегодня ночью я, наконецъ, переправлюсь. Въ дорогѣ Зейликъ сталъ разговорчивѣе, разсказывалъ о границѣ, о томъ, какъ трудно ладить съ пограничными солдатами, какъ часто приходится

переправлять товаръ черезъ Прутъ подъ выстрѣлами тѣхъ же подкупленныхъ солдатъ, прятаться потомъ въ лѣсу, какъ часто приходилось совсѣмъ вываливать товары въ рѣку и возвращаться съ пустыми руками, терпя громадные убытки.

Ночь была тихая, свѣтлая, синія хатенки молдаванскихъ деревушекъ ясно вырисовывались въ мягкой, прозрачной мглѣ и отбрасывали какія-то огромныя, таинственныя тѣни. Густая кукуруза стояла неподвижно, скрывая въ себѣ какія-то тайны... а тайны эти иногда проявлялись у межи въ видѣ молдаванина съ огромной дубиной, въ бѣломъ тулупѣ и огромной барашковой шапкѣ; тихо и размѣренно пробирался онъ у межи и, казалось, шелъ на какое-то страшное ночное дѣяніе. А Зейликъ только подливалъ масла въ огонь: здороваясь съ такимъ прохожимъ по-молдавански, онъ затѣмъ начиналъ шептать мнѣ:

— Страшный народъ эти молдаване! не дай Богъ встрѣтиться съ нимъ ночью въ полѣ. Меня почти всѣ знаютъ, а и то страшно!.. Что они только ни выдѣлываютъ!.. Если онъ видитъ, что вы ѣдете одинъ — непремѣнно придушитъ, сядетъ на вашей лошади и уѣдетъ. А посмотрѣть на нихъ днемъ, такъ такой добрый, простой, даже глупый народъ!..

Въ одномъ прохожемъ Зейликъ узналъ знакомаго и, окликнувъ его, остановилъ лошадь и сталъ таинственно шептаться съ прохожимъ помолдавански. Прохожій говорилъ медленно, также тихо и указывалъ все время куда-то рукой. Простившись съ нимъ и, тронувъ далѣе, Зейликъ опять обратился ко мнѣ:

— Вотъ, хорошо его знаю и получаетъ онъ кое-что отъ меня, а вотъ такъ и жди отъ него, что при малѣйшей ссорѣ онъ тебя задушитъ, если встрѣтитъ одного.

Эта ночь была вся соткана изъ таинственности... и самъ Зейликъ, который сидѣлъ рядомъ со мной, казался какимъ-то особеннымъ и страшно выросталъ въ моихъ глазахъ, создавая въ душѣ какія-то пугливыя тѣни:

— Куда везетъ онъ? Вѣдь, можетъ самъ и выдать, если ему покажется, что такъ для него выгоднѣй.

— Вы тамъ вдали ничего не видите? — прервалъ мои пугливыя размышленія Зейликъ.

— Нѣтъ. А что?..

— Всмотритесь хорошенько направо... вонъ, вонъ, такая бѣлая полоска, какъ будто сверкаетъ... Ну? Видите?..

— Вижу. А что же это такое?

— А это и есть Прутъ, черезъ который вамъ придется сегодня переправляться... какъ будто близко, но еще до него верстъ десять...

— Неужели Прутъ?.. А что это тамъ дальше? Какъ будто горы?..

— А это уже Румынія.

„Еще часъ, другой—и я уже тамъ. Какая радость!"...

— Что, скоро пріѣдемъ? — не выдержалъ я.

— Да уже подъѣзжаемъ. Деревня тамъ, въ ложбинѣ. Вотъ мы сейчасъ спускаемся. Ну, здѣсь надо ѣхать шагомъ и не разговаривать: можно нарваться на вахмистра и солдата.

Онъ замолчалъ. Спустились въ ложбину. Передъ нами раскинулась деревушка, вся утопавшая въ огромныхъ черныхъ тѣняхъ высокихъ деревьевъ. Пробирались мы, дѣйствительно, воровски... Наконецъ, въѣхали и въ самую деревушку, повернули направо въ улицу, проѣхали нѣсколько дворовъ и тихо остановились у какого-то забора. Зейликъ безшумно слѣзъ и въ мертвой тишинѣ, еле скрипнувъ калиткой, вошелъ во дворъ... сейчасъ же съ легкимъ

скрипомъ раскрылись ворота. Зейликъ взялъ лошадь подъ уздцы и безшумно ввелъ во дворъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ какой-то огромной копны лошадь остановилась. Зейликъ попросилъ меня прилечь на дно кабріолета и подождать, а самъ подошелъ къ копнѣ и прилегъ... Черезъ двѣ-три минуты я разслышалъ тихій шопотъ и, всмотрѣвшись въ ту сторону, откуда онъ раздавался, замѣтилъ двѣ темныя, распластанныя фигуры: то былъ Зейликъ и еще кто-то.

Я зналъ, что мы ѣхали къ молдаванину, который уже непосредственно самъ перевозилъ въ лодкѣ черезъ Прутъ живой и мертвый товаръ. Скоро Зейликъ поднялся и попросилъ меня тихо вылѣзть изъ кабріолета и итти за нимъ. Мы молча прослѣдовали въ избушку. Зейликъ постучался какимъто особеннымъ образомъ, отвѣтилъ кому-то вопрошавшему изъ-за двери помолдавански... дверь тихо скрипнула... и какая-то женская фигура въ еле набросанной одеждѣ пропустила насъ мимо себя. Мы очутились въ кухнѣ. Она поразила меня безукоризненной чистотой; противъ огромной русской печи стояли широкія нары, на которыхъ была навалена постель съ нѣсколькими подушками. Видно было, что съ этой постели только что встала отворявшая намъ женщина. Это была молдаванка, молодая и довольно красивая, со смуглымъ лицомъ, черными блестящими глазами. Зейликъ и здѣсь чувствовалъ себя, какъ дома, тихо началъ болтать съ хозяйкой помолдавански, та отвѣчала, хотя и сонно, но довольно охотно, нѣсколько разъ улыбнулась; затѣмъ она на минуту изчезла въ передней, пришла оттуда съ гроздями чернаго винограда и молча положила ихъ передо мной. Зейликъ пригласилъ ѣсть и самъ усердно принялся за виноградъ.

Минутъ черезъ десять пришелъ молдаванинъ: высокій, некрасивый, но съ лицомъ энергичнымъ, рѣшительнымъ

и даже, показалось мнѣ, грознымъ. Суровую школу жизни, какъ видно, проходилъ этотъ человѣкъ—и вся эта суровость какъ бы читалась въ чертахъ его лица. Онъ молча пожалъ мнѣ руку и попросилъ насъ въ чистую горницу. Мы перешли переднюю и очутились въ большой чистой свѣтлицѣ. По стѣнамъ стояли длинныя скамьи, покрытыя клѣтчатыми разноцвѣтными, простого издѣлія, коврами, въ углу была большая божница, передъ ней мерцала лампада, на полу и на подоконникахъ валялась высушенная трава, отъ нея стоялъ особенный запахъ, который почему-то еще болѣе усиливалъ для меня таинственность и людей, и обстановки. Было уютно и тепло и налажено на долгія времена, а между тѣмъ хозяева подвергали себя каждый день опасности потерять все...

„Что же заставляло ихъ такъ рисковать собой и своимъ покоемъ? Развѣ такъ ужъ и нельзя было имъ взяться за болѣе мирное занятіе?“... Съ такими мыслями разглядывалъ я горницу и ея обитателей. Я присѣлъ на одной изъ скамей и сталъ прислушиваться къ разговору Зейлика съ молдаваниномъ. Я ничего не понималъ, ибо разговоръ шелъ по-молдавански, но скоро понялъ, что есть какія-то затрудненія: голоса ихъ возвышались, особенно горячился и жестикулировалъ Зейликъ... Молдаванинъ давалъ лишь реплики... Я началъ безпокоиться: „можетъ, торгуются и хотятъ урвать другъ у друга какъ можно больше?“

— Послушайте, ребъ Зейликъ, — прервалъ я ихъ, — если дѣло идетъ о деньгахъ, то, ради Бога, не торгуйтесь съ нимъ. Я прибавлю, сколько нужно...

— Дѣло тутъ не въ деньгахъ... Подождите, я вамъ сейчасъ объясню, — и онъ началъ снова доказывать и горячиться. Молдаванинъ, видимо, стоялъ на своемъ. Наконецъ, Зейликъ притихъ и присѣлъ ко мнѣ.

— Видите,—началъ онъ,—какъ разъ сегодня пошелъ дозоръ съ вахмистромъ, а это ужъ такая скотина, которой лучше совсѣмъ не попадаться. Когда онъ провѣряетъ посты, то переправа не можетъ быть. Онъ тогда шляется по лѣсу. . а вѣдь лодка спрятана въ лѣсу; пока ее вытащишь и спустишь на воду, вахмистръ ужъ будетъ тутъ, какъ тутъ. Если бы еще ночь была темная, то туда-сюда: еще можно было бы рискнуть, а сейчасъ молдаванинъ рѣшительно отказывается перевозить. Главное, ночи совсѣмъ свѣтлыя... Сейчасъ онъ не перевезетъ ни въ коемъ случаѣ: онъ не желаетъ изъ-за васъ портить всю переправу. Онъ предлагаетъ вздремнуть часа два; можетъ, передъ утромъ, когда зайдетъ луна, станетъ темнѣе... Ничего не подѣлаешь, надо будетъ подождать...

Я сталъ горячо просить все-таки рискнуть и переправиться сейчасъ: я заплачу больше, чѣмъ уговорились, мнѣ это крайне нужно...

— Нѣтъ, это не поможетъ; молдаванинъ, что сказалъ, на томъ и стоитъ; его не переговоришь. Подождемъ часа два, прилягьте, и я вздремну.

А молдаванинъ уже укладывался, не раздѣваясь, на одной изъ скамей... Пришлось съ острой болью въ душѣ и страшной тревогой за будущее покориться и прикурнуть, спать не спалось: слишкомъ сильно работалъ мозгъ; то я рисовалъ себѣ картину удачи, скораго свиданія съ друзьями за границей, то попадался въ руки солдатъ или, еще хуже, въ руки вахмистра И такъ скверно становилось... голова начинала кружиться, появлялась какая-то тошнота отъ одной мысли, что я могу снова очутиться въ лапахъ солдатъ, жандармовъ, полицейскихъ... На минуту я, очевидно, вздремнулъ. Меня разбудили, въ окна уже проби-

рались предразсвѣтныя сумерки. Молдаванинъ и Зейликъ тихо перешептывались...

— Ну, что? — тревожно обратился я къ Зейлику, — переправимся...

— Нѣтъ, на дворѣ не темнѣе, чѣмъ раньше... Придется отложить переправу на слѣдующую ночь. Намъ надо сейчасъ же выѣхать отсюда, днемъ оставаться здѣсь небезопасно. Мы поѣдемъ домой, а ночью опять выѣдемъ сюда...

Я заикнулся было попросить все-таки попытаться, но оборвался на полуфразѣ: видно было, что все напрасно, что молдаванинъ не пойдетъ на явный рискъ.

Тоскливо простился я съ молдаваниномъ, вышелъ съ Зейликомъ къ кабріолету, который уже былъ заложенъ и готовъ къ выѣзду. Тихо выѣхали изъ воротъ, тихо пробрались къ околицѣ и тихо выѣхавъ изъ ложбины, погнали быстрѣе. Скверно... безконечно скверно... было на душѣ; все тускнѣло и сѣрѣло, какъ сѣрѣло самое утро...

— Что же, ребъ Зейликъ, а если и эта ночь будетъ такая же свѣтлая, вѣдь молдаванинъ можетъ опять отка заться?..

— Я и самъ сейчасъ думалъ объ этомъ... Теперь полнолуніе, еще ночей семь, восемь все будетъ свѣтло... Попытаемся еще сегодня, а если не удастся и сегодня, то ужъ придется вамъ посидѣть у меня и подождать дней десять, двѣнадцать; во-первыхъ, ночи станутъ темнѣе, во-вторыхъ, пройдутъ наши праздники: вѣдь, не могу я въ праздникъ возить васъ. Такъ и сдѣлаемъ...

— Что же это, ребъ Зейликъ, вѣдь вы Веньямина увѣряли, что все устроится въ день—два... а теперь оказывается, что придется просидѣть у васъ цѣлыхъ полмѣсяца! Поймите же, я не могу... Вѣдь, это будетъ небезо-

пасно и для васъ: деревня ваша маленькая — и лишній, новый человѣкъ можетъ броситься въ глаза.

— Ну, что-жъ подѣлаешь? Я думалъ, что удастся. Нечего вамъ безпокоиться, вы у меня проведете время въ полной безопасности, а тамъ, Богъ дастъ, и переправитесь.

Перспектива просидѣть на одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Кишинева, цѣлыхъ полмѣсяца ужаснула меня. Вѣдь навѣрное спохватились и сообразили, что я удралъ и подвелъ ихъ, дали знать по станціямъ, по окрестнымъ деревнямъ... Затѣмъ я представилъ себѣ картину того, какъ молчаливо, одиноко, не имѣя возможности и слова промолвить, я буду сидѣть съ утра до ночи на стулѣ и глядѣть безпомощно въ окно... и такъ десять, пятнадцать гнетущихъ дней!... Нѣтъ, это невыносимо! Надо что-нибудь придумать и выйти изъ этого положенія...

У меня были связи для переправы въ Варшавѣ и Ковнѣ, но какъ пробраться туда? Проѣхать можно только черезъ Кишиневъ (такъ почему-то показалось мнѣ), но это значитъ: самому полѣзть въ пасть сторожившаго меня чудовища. И я безпомощно бился, придумывая какія-либо средства для выхода изъ этого несноснаго положенія. Горячка и нетерпѣніе росли во мнѣ по мѣрѣ приближенія къ Фалештамъ, которые мнѣ показались уже ненавистными.

— Послушайте, ребъ Зейликъ, нѣтъ ли у васъ друзей-контрабандистовъ на австрійской границѣ? И далеко ли отсюда эта австрійская граница?

— Есть у меня одинъ хорошій знакомый, Ицекъ Симховичъ... въ Новоселицахъ... пожалуй, что тамъ скорѣе можно было бы васъ переправить: граница сухопутная... Утромъ вы были бы въ Новоселицахъ, а вечеромъ онъ бы васъ переправилъ уже черезъ границу.

— Такъ послушайте, ребъ Зейликъ, нельзя ли намъ

отправиться къ Ицеку Симховичу. Насчетъ расходовъ не безпокойтесь, я заплачу вамъ за ваши труды.

— Что же, можно, пожалуй, такъ. Сегодня ночью я отвезу васъ въ Бѣльцы, оттуда вы сами поѣдете по желѣзной дорогѣ въ Новосельцы; вы тамъ будете утромъ. А я дамъ вамъ письмо къ Ицеку. Онъ сдѣлаетъ вамъ все, какъ сдѣлалъ бы я самъ. И завтра вечеромъ навѣрное переправитъ васъ.

Я былъ несказанно радъ этому новому проекту.

„Надо дѣйствовать, дѣйствовать во что бы то ни стало!“—возбуждалъ я самъ себя. И я почти дрожалъ отъ радостнаго настроенія. Опять все улыбнулось, какъ стало весело улыбаться прояснившееся утро разбуженной природы!... Несмотря на безсонную ночь, я чувствовалъ себя бодрымъ, свѣжимъ, готовымъ на всякую схватку съ невидимымъ врагомъ. Уже щебетали птички, ржали кони, тянулись возы съ хлѣбомъ, когда мы въѣхали обратно въ Фалешты. Скоро были и дома. Я вошелъ съ Зейликомъ въ комнату. Съ полуслова Лея поняла все и не особенно смущалась неудачей. Она стала хлопотать о чаѣ. Выпили чаю, позавтракали. Мнѣ снова предстояло просидѣть цѣлый день у окна; прилечь положительно было негдѣ. Нѣсколько безсонныхъ ночей: въ поѣздѣ, въ участкѣ, только что прошедшая безъ сна и въ тревогѣ ночь, безъ раздѣванія, страшно измучили меня... Голова трещала немилосердно, глаза были воспалены, я чувствовалъ, что готовъ заболѣть, но при мысли о болѣзни меня охватывалъ приступъ какой-то дикой энергіи: „мнѣ нельзя болѣть, пока я не переправлюсь,—и я не заболѣю!“ И я возбуждался, снова забывался въ мечтахъ о свиданіи съ друзьями... Но вотъ выростала вдругъ картина неудачи; энергія падала, голова начинала кружиться до тошноты, и такъ, въ этихъ нерв-

ныхъ переходахъ отъ возбужденно-радостнаго къ смертельно-тоскливому состоянію, прошелъ весь день... Не знаю, какъ онъ кончился, такъ долго онъ тянулся... но все же онъ кончился. Пришелъ Зейликъ, поужинали, выпили на дорогу чаю и стали готовиться къ отъѣзду.

Часовъ въ девять я окончательно распростился съ Фалештами и выѣхалъ съ Зейликомъ по направленію къ Бѣльцамъ. Дорога тянулась верстъ на тридцать. Лошадь шла бойко, все время пришлось спускать подъ гору. Дорога была людная: то и дѣло насъ перегоняли, и мы сами нагоняли фурманщиковъ, везшихъ на Бѣлецкій вокзалъ пассажировъ. Часамъ къ двѣнадцати мы уже были въ Бѣльцахъ, уѣздномъ городкѣ Бессарабіи. На улицахъ города было мертвенно тихо; только кое-гдѣ раздавались колотушки сторожа. Проѣхали мимо уѣздной тюрьмы...

— Вотъ вашъ замокъ! — сострилъ Зейликъ. Онъ, видимо, уже догадывался, къ какой категоріи живого товара принадлежу я. И счелъ нужнымъ прибавить, что здѣсь теперь сидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько „политиковъ"...

Подъѣхали къ вокзалу. Зейликъ устроилъ свой кабріолетъ и вошелъ вмѣстѣ со мной въ залу второго класса. Письмо къ Ицеку въ Новоселицы было уже при мнѣ. Зейликъ хлопоталъ теперь о билетѣ. Наконецъ, былъ взятъ и билетъ. Оставалось минутъ десять ждать до прибытія поѣзда, который долженъ былъ отвезти меня на промежуточную станцію Окницы, откуда уже шелъ поѣздъ изъ Жмеринки на пограничную станцію Новоселицы.

Въ залѣ было человѣкъ пять пассажировъ: три еврея-коммерсанта, какой-то рослый съ длинной русой бородой, не то помѣщикъ, не то управитель имѣнія и еще кто-то. Такъ называемыхъ „шпиковъ" (шпіоновъ), о которыхъ можно было бы судить по внѣшнему виду, я здѣсь въ

залѣ не замѣтилъ. Межъ тѣмъ я приглядывался къ окружающимъ очень зорко: надо было не вызывать подозрѣній, а мой видъ—человѣка безъ вещей, въ синей рубашкѣ, съ воспаленнымъ лицомъ, въ компаніи съ такимъ типомъ, какъ контрабандистъ Зейликъ, былъ не особено благопріятенъ для того, чтобы остаться въ тѣни. Во мнѣ снова, какъ на вокзалѣ въ Кишиневѣ, явилось ощущеніе травленаго зайца. Надо было казаться покойнымъ, равнодушнымъ, такимъ же обывателемъ, какъ и всѣ другіе, а межъ тѣмъ лицо то и дѣло подергивалось, глаза невольно пугливо озирались кругомъ. На мѣстѣ не сидѣлось,—то вставалъ, то опять садился, то заговаривалъ необычайно оживленно съ Зейликомъ... Въ то же время во мнѣ все нервно плясало... Зейликъ держался около меня, говорилъ объ удачѣ, о томъ, что Ицекъ человѣкъ хорошій, просилъ передать ему поклонъ... Наконецъ, послышалось приближающееся шипѣніе и пыхтѣніе: то шумно и суетливо подходилъ мой поѣздъ.

„Кажется, ничего: наблюдателей нѣтъ никакихъ“, — мысленно обратился я самъ къ себѣ, желая успокоить себя насчетъ отсутствія слѣжки за мной и контрабандистомъ. Передъ вторымъ звонкомъ я довольно сердечно простился съ Зейликомъ, прося его не сопровождать меня, и направился въ вагонъ.

Народу было уйма, все больше евреи... Шумъ и гамъ стоялъ невообразимый; мнѣ только этого и нужно было: „гдѣ шумно и тѣсно, тамъ меньше слѣжки, тамъ легче примоститься, не бросаясь кому ненужно въ глаза“. Это немного успокоило мои расходившіеся нервы. Кое-какъ умѣстились, а кто и просто стоялъ въ проходѣ. Прошелъ кондукторъ, пригрозилъ безбилетнымъ, чтобы лучше вышли сейчасъ, не то онъ въ дорогѣ вышвырнетъ на ближайшей

же станціи. Угрозу эту сидѣвшіе евреи съ усмѣшкой комментировали, какъ иносказательное предупрежденіе, чтобы зайцы, которыхъ на этихъ дорогахъ бывало очень много, не скупились и платили пощедрѣе. А кто-то такъ и просто громко бросилъ кондуктору вдогонку:

— Панъ кондукторъ, не безпокойтесь! Зайцы кошельковъ еще не потеряли и они тоже понимаютъ, что всякому пить, ѣсть надо.

Наконецъ, поѣздъ тронулся.

„Ну, слава Богу, изъ Бѣлецъ ушелъ благополучно, передъ здѣшними жандармами прошелъ совершенно незамѣченнымъ, ну, а шпики... шпики пусть-ка поищутъ меня въ этой тѣснотѣ“,—думалъ я и успокаивался.

Мои сосѣди сейчасъ же попробовали заговорить со мной.

— Далеко ѣдете? Откуда? Имѣете какія-нибудь дѣла? Вы какъ будто не здѣшній? Съ юга? изъ какого города? Изъ Х.? Знаю Х., какъ же. Я тамъ покупалъ шерсть. У меня тамъ есть зять, Янкелевичъ. Вы его не знаете? У него галантерейный магазинъ. Вы не коммерческій человѣкъ? Какъ же, какъ же я хорошо знаю Х.!

Эти разговоры были для меня настоящей пыткой: нужно было придумывать себѣ профессію, мѣсто жительства, говорить при этомъ непринужденно; также любопытствовать насчетъ дѣлъ и жизненнаго положенія моихъ сосѣдей; надо было,—словомъ, попадать имъ въ тонъ, быть, какъ они, чтобы совершенно не выдѣляться и не обращать на себя вниманія хоть чѣмъ бы то ни было. А я, хоть бей меня, никогда не могъ въ такихъ случаяхъ лгать вообще и естественно, правдоподобно лгать въ особенности. Не умѣлъ я ничего придумать такого, что могъ бы поддерживать всю дорогу, не выйдя изъ придуманнаго положенія. А совсѣмъ молчать было нельзя. Не знаю какъ, но все же черезъ

полчаса невязавшагося разговора я съумѣлъ отдѣлаться отъ назойливой любознательности моихъ спутниковъ: кажется, я притворился усталымъ и дремлющимъ.

Поѣздъ свистѣлъ, на минуту останавливался, начиналась давка входившихъ и выходившихъ, шумъ и брань изъ-за мѣстъ, затѣмъ поѣздъ катилъ дальше. А я, прижавшись въ углу, измученный, усталый, все думалъ и думалъ объ утрѣ и Новоселицахъ: „какъ-то здѣсь пройдетъ? Неужелии здѣсь не удастся? Что же тогда предпринять? Нѣтъ, здѣсь я или переправлюсь, или попадусь. Но самъ добровольно не отступлюсь отъ задуманнаго дѣла". Раздался протяжный свистокъ. Пробѣжалъ кондукторъ, выкрикивая:

— Станція Окницы! Высаживайся, кому надо. Поѣздъ стоитъ пять минутъ.

Замелькали станціонные огни, показалась голова, а тамъ и все туловище станціоннаго жандарма, немного далѣе — другого. Еще минута, и поѣздъ сталъ, точно осаженный. Сейчасъ же на станцію потянулась безконечная вереница съ ящиками, узелками, коробами и криками:

— Мойша! Хюда! Не забудь мѣшокъ!

Навстрѣчу повалила не меньшая толпа съ такими же узелками, давила выходившихъ, ругалась, цѣплялась за двери, падала, и, наконецъ, влѣзала въ вагонъ; я вышелъ сравнительно позже, хотя старался въ то же время быть въ толпѣ и итти съ ней. Такимъ образомъ, я вошелъ въ залу II-го класса; здѣсь было много народа, шумно и дымно, всюду на столахъ, скамьяхъ, на полу, валялись объѣдки, корки, у столиковъ вездѣ пили чай. Публика была все мелко-буржуазная, выглядѣвшая все же чище третье- классныхъ пассажировъ.

Здѣсь я впервые увидѣлъ типичныхъ австрійскихъ евреевъ съ длинными пейсами, но въ то же время культурно

одѣтыхъ; нѣкоторые были въ типичныхъ длиннополыхъ сюртукахъ. У всѣхъ лица были подвижныя, умныя, движенія бойкія, порывистыя. Жизнь въ нихъ, казалось, такъ и била ключомъ! Видъ этихъ людей подѣйствовалъ на меня прямо ободряюще. Мнѣ захотѣлось съ кѣмъ-нибудь заговорить, выпить чаю, поболтать, и мнѣ казалось, что, болтая съ ними, я приду въ совершенное равновѣсіе и буду чувствовать себя такъ же благодушно-оживленно, какъ и сами они. Здѣсь я долженъ былъ прождать съ часъ до прибытія поѣзда изъ Жмеринки, который шелъ въ Новоселицы.

Одинъ часъ ожиданія, четыре часа ѣзды, и я къ утру въ Новоселицахъ у почти своихъ людей! Однако, надо было попросить чаю; такъ все-таки естественнѣй, чѣмъ сидѣть сложа руки, безъ вещей. Прежде чѣмъ потребовать себѣ чаю, я вышелъ на перронъ; здѣсь было пустынно. Я уже направлялся обратно въ залъ, какъ мимо меня прошелъ рослый дородный жандармъ съ нашивками, „видно, вахмистръ". Прошелъ онъ медленно, посмотрѣлъ на меня равнодушно. Равнодушно проходившимъ казался и я. Онъ исчезъ въ одну изъ комнатъ; я вошелъ въ залъ. „Кажется, ничего. Не обратилъ вниманія, можно и чай пить". Выпилъ стаканъ, попросилъ другой, перемолвился словомъ съ сосѣдомъ. Въ это время въ дверяхъ показался встрѣтившійся со мной жандармъ. Онъ медленно прошелъ по залу равнодушно, кой на кого посмотрѣлъ, меня онъ могъ видѣть, хотя съ такимъ же успѣхомъ могъ и не замѣтить. Во всякомъ случаѣ, спеціально въ мою сторону онъ не глядѣлъ. Онъ равнодушно скользилъ взглядомъ по всѣмъ. „Но все это такъ обычно". И я совершенно успокоился. Жандармъ исчезъ. Я выпилъ третій стаканъ, посидѣлъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, снова

сѣлъ,—скоро и поѣздъ долженъ пойти. Я уже больше не двигался. Прошло еще минутъ двадцать. Вдругъ публика задвигалась: кто-то громко прокричалъ, чтъ поѣздъ идетъ. Это былъ нашъ поѣздъ. Всѣ засуетились, повалили къ выходу, я пошелъ съ толпой. Поѣздъ пыхтѣлъ и выпускалъ пары такъ же, какъ и людей изъ своихъ клѣтокъ. Опять давка, крики, цѣплянье за подножки. И я втиснулся, наконецъ, въ вагонъ и быстро занялъ первое свободное мѣсто у прохода.

Поѣздъ былъ биткомъ набитъ. Людъ былъ все сѣрый. Попадались уже и крестьяне. Кое-какъ, наконецъ, усѣлись. Кто-то затѣялъ изъ-за мѣста драку, поднялся невообразимый шумъ.

Отъ всѣхъ этихъ сценъ, отъ всей тѣсноты, грязи, отъ вида измученныхъ, изможденныхъ пассажировъ, придавленныхъ, повидимому, самой вопіющей нищетой, при которой только оставалось воровски забиваться подъ лавки вагоновъ, чтобы какъ-нибудь пробраться черезъ двѣ-три станціи,—отъ всего этого у меня какъ-то съеживалась душа и болѣла невыразимо! Я чувствовалъ себя точно между гвоздями, которые втыкались со всѣхъ сторонъ въ мое тѣло. Я никогда не жилъ въ такихъ условіяхъ и не наблюдалъ такой обстановки. Но, съ другой стороны, вся эта тѣснота, грязь, сермяжность давала мнѣ возможность скрыться отъ зоркихъ глазъ.

„Какой шпикъ,—думалъ я,—зайдетъ сюда? Да пусть попробуетъ сперва протиснуться, а потомъ ужъ пусть разыщетъ въ этой давкѣ и сутолокѣ подозрительное лицо!“

Я уже чувствовалъ себя въ совершенной безопасности. Осталось всего минутъ пять до отхода поѣзда. „Ужъ, кажется, первый звонокъ прозвенѣлъ, скорѣй бы пролетали эти четыре часа до Новоселицъ, а тамъ и выспаться

можно, а ночью буду пить пиво въ австрійской деревушкѣ, смогу, наконецъ, какъ слѣдуетъ умыться, почиститься!“

Мои мечты на этомъ рѣзко оборвались: въ вагонъ входилъ тотъ самый жандармъ, котораго я встрѣтилъ на перронѣ и который изволилъ прогуливаться по залу. Онъ сталъ въ проходѣ какъ разъ около меня; въ рукѣ онъ держалъ какую-то четырехугольную бумажку.

— Вотъ получилась, — началъ онъ настолько громко, что вся сермяжная публика сразу присмирѣла и затихла, — срочная телеграмма изъ Одессы; сообщается, что въ вагонѣ недалеко отъ Одессы какой-то молодой человѣкъ совершилъ крупную кражу. Предполагаютъ, что онъ теперь направляется изъ Жмеринки не то въ Могилевъ-Подольскъ, не то въ Новоселицы. Примѣты его такія: средняго роста, густые черные волосы, черное легкое пальто, черная шляпа, лѣтъ двадцати или двадцати двухъ... Никто изъ васъ не знаетъ? Никто не видалъ господина съ такими примѣтами? — произнеся послѣднія слова, онъ поднялъ глаза отъ бумажки, изъ которой онъ какъ будто читалъ телеграмму, и испытующе оглядѣлъ совсѣмъ оробѣвшую сѣрую публику. У меня же сердце точно хотѣло выскочить, такъ сильно оно билось и прыгало.

„Что такое? Почему онъ сталъ около меня? И, что хуже всего, читалъ примѣты, напоминавшія мои?.. Но что за ерунда: не я, вѣдь, кралъ!“

Я сидѣлъ пришибленный, и ждалъ что будетъ дальше. Послѣ короткой паузы онъ обратился вдругъ ко мнѣ:

— А вы, молодой человѣкъ, куда ѣдете?

Я поблѣднѣлъ, но довольно спокойно, не трогаясь съ мѣста, отвѣтилъ!

— Ѣду въ Новоселицы.

— Вашъ билетъ?

Я вынимаю билетъ и даю ему. Онъ поглядѣлъ на него и тотчасъ же обратился ко мнѣ:

— Будьте добры послѣдовать за мной.

Я всталъ и пошелъ за нимъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи; помню, что лицо мое было залито густой краской стыда, а глаза виновато опущены книзу: передъ вагонной публикой я оказался воромъ, и чувство презрѣнія ужъ, вѣроятно, клокотало въ ихъ груди. Мнѣ было стыдно смотрѣть комулибо въ глаза. Помню, что когда я проходилъ, сзади меня раздался сдержанный шопотъ многихъ голосовъ.

Едва я вышелъ изъ вагона, какъ меня окружили человѣкъ восемь жандармовъ, двое изъ нихъ сразу схватили меня за руки и, крѣпко стиснувъ ихъ, повели къ жандармской комнатѣ. Арестовавшій меня вахмистръ шелъ впереди и разгонялъ толпившуюся при нашемъ проходѣ публику, которая съ крайнимъ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ оглядывала меня съ ногъ до головы. Вахмистръ открылъ двери жандармской комнаты, и меня положительно втолкнули туда, даже сдѣлали больно.

— Я попрошу васъ обращаться повѣжливѣй; вы ошибаетесь, если думаете, что поймали вора; мои документы при мнѣ, я сейчасъ покажу ихъ вамъ, а затѣмъ позовите, пожалуйста, жандармскаго офицера. Онъ скорѣе разберетъ, въ чѣмъ дѣло, и отпустить меня, мнѣ надо спѣшить.

— Ладно, ладно, пока вотъ посидите,—грубо отрѣзалъ одинъ, особенно неистовствовавшій жандармъ, который съ какимъ-то звѣрскимъ наслажденіемъ вцѣпился въ мышцы моихъ рукъ и никакъ не хотѣлъ отпустить ихъ.

— Покажите ваши документы! — обратился ко мнѣ вахмистръ. — Обыщите его всего! — бросилъ онъ приказъ стоявшимъ около меня двумъ жандармамъ послѣ того, какъ

я вынулъ документы и положилъ ихъ на столъ. Всѣ мои документы были при мнѣ: я оставилъ ихъ у себя послѣ обыска моихъ вещей въ Кишиневѣ. Пришлось вынуть и дворянское свидѣтельство, надо было выложить на столъ и письма, которыя были даны мнѣ, одно въ Новоселицы къ Ицеку, другое—въ Варшаву, въ одну изъ организацій, третье — въ Ковно къ товарищу моего земляка, который также мнѣ могъ устроить переправу. Два письма были въ боковомъ карманѣ, одно въ Варшаву, какъ наиболѣе важное, содержанія котораго я даже не зналъ и потому могъ предположить, что тамъ есть имена, адреса и проч., было опущено мною въ прорѣзъ между подкладкой и сукномъ пальто. За это письмо я особенно дрожалъ, думая, что если оно попадется, оно выдастъ не только меня, но и организацію; какъ часто, случалось, что не такъ попадался самъ человѣкъ, какъ его знакомые и товарищи по дѣлу, адреса и имена которыхъ находили при его арестѣ и обыскѣ.

— Пожалуйста, посмотрите вотъ это свидѣтельство, это мое проходное свидѣтельство въ Петербургъ, другія бумаги совершенно неважные документы, и затѣмъ я настаиваю, чтобы былъ позванъ сюда офицеръ, онъ скорѣе разберется,—говорилъ я, но напрасно.

Какой-то полуграмотный жандармъ, сталъ дѣлать опись моихъ документовъ. Меня стали усердно обыскивать, ощупали всего, раздѣли до нага, встряхивали чулки, рвали ботинки, раздирали подкладку у платья. Въ пальто имъ, такимъ образомъ, удалось нащупать спрятанное тамъ письмо, и съ какой-то особенной злобно-торжествующей радостью стали вытаскивать этотъ трофей ихъ обыска.

— А это что?—злобно испытующе вопросилъ меня особенно неистовствовавшій жандармъ.

— Письмо.

— Письмо?! Знаю, что письмо! А зачѣмъ въ подкладку пряталъ?

— Вы не тыкайте! Господинъ вахмистръ, я протестую противъ грубости этого жандарма. Я буду жаловаться. Я еще разъ настоятельно прошу васъ позвать офицера. Что за гнусность! Схватили въ вагонѣ, обвинили въ какой-то кражѣ, а здѣсь вы позволяете себѣ прямо насильничать!..

— Не горячитесь, молодой человѣкъ, не горячитесь. Все сдѣлаемъ по порядку. А офицеръ тоже придетъ въ свое время.

— Но, вѣдь, я могу опоздать къ слѣдующему поѣзду въ Новоселицы.

— Э, поѣздовъ много. Вотъ сдѣлаемъ опись вашимъ документамъ. Ты что, скоро кончишь переписывать?—обратился онъ къ дѣлавшему опись жандарму.

— Да, вотъ не разберу: какое-то метрическое, свидѣтельство изъ реальнаго училища, а потомъ пришита какая-то бумага къ проходному. Кто его знаетъ, какъ тутъ заносить.

— Да не копайся ты, пиши скорѣе. Да не забудь прописать, что одно изъ писемъ было найдено въ прорѣзѣ между подкладкой и сукномъ пальто. Ну, что, больше ничего не нашли?

— Ничего.

Я успѣлъ одѣться и усѣсться въ тоскливомъ ожиданіи, что будетъ дальше. Я испытывалъ состояніе маразма, какое-то удивительное безучастіе къ своей судьбѣ, къ неизвѣстному будущему. Я инстинктивно чувствовалъ, что отсюда уже не выйдешь, а главное совершенно не могъ объяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло? „Дѣйствительно ли меня заподозрили въ кражѣ, или же это былъ только

обманъ, предлогъ, чтобы задержать меня. Тогда, по какому поводу могли задержать меня? Неужто меня выслѣдили? И гдѣ? можетъ быть, въ Бѣльцахъ? Или здѣсь, въ Окницахъ, просто заподозрили? Но тогда какъ же гнусно заподозрѣваютъ и ловятъ они людей!" Мнѣ хотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли подозрѣваютъ меня въ кражѣ, и я обратился къ вахмистру:

— Скажите, въ какой именно кражѣ вы меня обвиняете?

— А вотъ потомъ узнаете.

— Какъ же потомъ? Задержали по подозрѣнію въ кражѣ и отказываетесь даже сказать, въ какой именно кражѣ я обвиняюсь.

— Да ужъ не въ кражѣ только дѣло. Тамъ ужъ разберутъ. Въ свое время узнаете. Можетъ, и не украли, а что другое сдѣлали. Вы студентъ?.. Ну, вотъ видите, — убѣдительно закончилъ онъ, точно одно званіе студента должно было уже указать и ему, и мнѣ, какъ много поводовъ для такого образа дѣйствій, какой позволилъ себѣ господинъ вахмистръ по отношенію ко мнѣ.

Мнѣ стало ясно, что не въ кражѣ тутъ дѣло, у меня на сердцѣ отлегло немного; я не на шутку боялся быть заподозрѣннымъ въ кражѣ, попасть на положеніе уголовнаго, терпѣть всѣ униженія уголовнаго арестанта. По всѣмъ видимостямъ, я снова попалъ въ руки жандармеріи, какъ подозрѣваемый „политикъ". Бумаги, наконецъ, были переписаны и запротоколированы. Вахмистръ на нѣсколько минутъ куда-то исчезъ. Возвратившись, онъ объявилъ мнѣ, что меня сейчасъ отправятъ съ двумя жандармами въ уѣздный городъ Могилевъ-Подольскъ. Тамъ живетъ начальникъ желѣзнодорожнаго жандармскаго управленія, который и разберетъ ужъ, въ чемъ дѣло.

— Одѣвайтесь, поѣздъ сейчасъ отходитъ.

Два жандарма уже бдительно сторожили меня, — и когда я направился къ выходу, они снова схватили меня за руки и повели къ вагону. Публика оглядывала насъ и поспѣшно сторонилась, какъ отъ зачумленныхъ. Вошли въ вагонъ. Онъ былъ пустой, только въ дорогѣ вошли въ него нѣсколько человѣкъ поѣздной прислуги. Я усѣлся у окна. Рядомъ на лавкѣ и противъ меня, тоже у окна, усѣлись мои церберы. Всю дорогу я не проронилъ ни одного слова; страшная злоба противъ нихъ душила меня. Да и они не старались быть со мной любезными. Минутъ черезъ двадцать они разговорились о своихъ служебныхъ и интимныхъ дѣлахъ, говорили довольно безцеремонно. Тяжело... душно... скверно... Какой-то кошмаръ тѣснитъ и давитъ меня. Я не то дремлю, не то бодрствую... Потерялъ нить мыслей, ничего до конца думать не могу. Да и о чемъ думать? Хуже не будетъ. Надо все забыть, только бы поскорѣе привезли на мѣсто, хоть въ тюрьму, только бы можно было уснуть, уснуть надолго, дня на два-три, а то и совсѣмъ не просыпаться къ этой мерзкой дѣйствительности, ожидавшей меня. Я уснулъ. Меня разбудилъ толчекъ жандарма.

— Вставайте, выходить надо.

— Какъ скверно!—подумалъ я, но промолчалъ и пошелъ между жандармами. Станція была большая, публики много. Къ привезшимъ меня жандармамъ сейчасъ же присоединилось нѣсколько мѣстныхъ—и подъ такимъ усиленнымъ экскортомъ меня провели черезъ залу III класса въ боковую комнату, оказавшуюся жандармской. Здѣсь въ веселыхъ позахъ сидѣло, развалясь, нѣсколько жандармовъ; они пили чай и закусывали. При нашемъ появленіи кое-кто изъ нихъ немного подобрался. Мнѣ очистили длинную скамейку, около которой стали располагаться прибывшіе

со мной жандармы, обмѣниваясь привѣтствіями съ мѣстными жандармами: ихъ пригласили закусить и выпить чаю. Въ сторонкѣ они шептали: видимо, на мой счетъ. При этомъ мѣстные посматривали на меня, какъ на человѣка, котораго они знаютъ въ достаточной мѣрѣ: что онъ за птица и почему задержали его. Межъ тѣмъ, мои церберы объявили мнѣ, что мнѣ придется здѣсь пробыть до утра, а тогда доложатъ господину ротмистру. Я могу, если хочу, улечься на скамейкѣ, даже сунули мнѣ какую-то замусленную подушку. Я настолько былъ измученъ, что ни о чемъ не разспрашивалъ, ничего даже ѣсть не могъ, несмотря на любезное предложеніе пойти что-нибудь купить для меня. Я улегся на скамейкѣ и сталъ дремать. Спать я не могъ, мѣшалъ свѣтъ; а главное, разговоры приходившихъ и уходившихъ жандармовъ; не стѣсняться же имъ было меня, комната эта была мѣстомъ отдохновенія для отдежурившихъ свои часы жандармовъ. Здѣсь они выпивали, обмѣнивались новостями. И мнѣ пришлось весь остатокъ ночи прослушать сквозь дремоту такую пакость и мерзость, что и сейчасъ, какъ вспоминаю объ ихъ разговорахъ, душа содрогается.

— Былъ я вчера у жидка Мойши. «Ты что-жъ, — говорю ему, — такой сякой, сукинъ сынъ, жидъ паршивый, подводить вздумалъ? Гдѣ же твоя Хайка, что ты мнѣ обѣщалъ? Что-жъ ты, — говорю, — жидюга, думаешь, что я тебѣ спущу твою кражу». Да далъ ему подзатыльника. Жидъ и затрясся. «Что же вы, господинъ жандармъ, деретесь? Хайка сама не хотѣла итдти, я ее къ вамъ посылалъ». А тутъ и Хайка пришла. А я тогда былъ здорово выпимши, и здорово же она мнѣ тогда, чертовка, приглянулась. Я къ ней, облапилъ ее... пищитъ, жидовская морда, кусается. Разобрало меня: наклалъ ей въ шею

такъ, что даже разревѣлась. Ушелъ я отъ нихъ, пригрозилъ жиду, что арестую его. Ну, да Хайка отъ меня не уйдетъ.

— Да что съ ею церемониться, посторожилъ бы ее гдѣ-нибудь ночью и сдѣлалъ, что нужно, пусть жидовка жалуется да доказываетъ.

— А я вотъ Фроську-то уломалъ, тоже артачилась, и отецъ грозилъ. А что взяли? кукишъ съ масломъ! Онъ же воровать, да покрывай ему, да онъ же и артачиться, сволочь этакая!

Такіе милые разговоры пришлось мнѣ прослушать всю ночь. Какими беззащитными и униженными представились мнѣ всѣ мѣстные обыватели, особенно бѣднота, если простые жандармы могли позволять себѣ такъ гнусно и безнаказанно насильничать надъ ними. Господи! въ какой удушливой атмосферѣ нахожусь я сейчасъ и, можетъ быть, принужденъ буду долго находиться, безсильно задыхаясь въ ней. Какъ неизмѣримо далеко все это отъ того, что вѣдь такъ недавно ожидало меня впереди; отъ свѣтлаго образа любимой дѣвушки, отъ друзей. Лучше не думать объ этомъ: такъ тяжело и безумно тоскливо переживать въ душѣ эти сопоставленія и контрасты. И я старался дремать, затыкая уши, лишь бы какъ-нибудь заглушить голоса повѣствовавшихъ жандармовъ. Часамъ къ пяти-шести комната опустѣла, и около меня остались только мои охранители. Лампа погасла, и, хотя на дворѣ было уже свѣтло, въ комнатѣ наступила располагающая ко сну тишина. И я заснулъ крѣпко. Проснулся часовъ въ десять и первое время не могъ даже сообразить, гдѣ я? Но я взглянулъ на входившаго жандарма и тотчасъ же пришелъ въ себя, вспомнивъ всю ночную исторію моего ареста. Ко мнѣ вдругъ прихлынула какая-то дикая

энергія. Я поспѣшно поднялся и сталъ требовать, чтобы немедля позвали ротмистра.

— Что, въ самомъ дѣлѣ! Мучаютъ и держатъ еще въ неизвѣстности.

Жандармы успокаивали, что господину ротмистру уже доложено.

— Они какъ напьются чаю, такъ и выйдутъ къ вамъ.

Я попросилъ принести мнѣ чай, выпилъ, съѣлъ кусочекъ хлѣба. Черезъ часъ вышелъ ротмистръ; это былъ низенькій, коренастый человѣкъ съ бѣлобрысыми усами и бѣлобрысой головой. Лицо лоснилось отъ какого-то нездороваго жира. Глаза были заспанные, скучные.

— Мнѣ докладывали о васъ... Васъ задержали на станціи Окницы по подозрѣнію. Придется доложить начальнику управленія. Я сейчасъ ѣду къ нему.

— Господинъ ротмистръ, если меня арестовали по одному подозрѣнію, то будьте добры сами сейчасъ же просмотрѣть мои бумаги и отпустить меня. Вѣдь, вы увидите изъ нихъ, что подозрѣніе основано на одномъ голомъ произволѣ. Пожалуйста, я убѣдительно прошу васъ. Я достаточно измучился всѣмъ этимъ, — упрашивалъ я его, видя по его лицу и всей внѣшности, что это не карьеристъ, а добрый пьяница, который радъ избавиться отъ дѣла и уже потерялъ надежду, да и желаніе идти выше ротмистровыхъ трехъ тысячъ въ годъ.

— Да что же я могу подѣлать? Я здѣсь по пословицѣ „въ чужомъ пиру похмелье". Я не могу васъ отпустить. Пріѣдетъ начальникъ, онъ разберется въ вашихъ бумагахъ и ужъ самъ отпуститъ, а я при всемъ желаніи не могу. Подождите минутъ двадцать, онъ скоро долженъ пріѣхать.

Ротмистръ, какъ безучастно пришелъ, такъ безучастно

и ушелъ. „Засядетъ, вѣроятно, какъ ни въ чемъ не бывало, за выпивку и будетъ тянуть свою горькую, а до того, что его подчиненные ловятъ людей, какъ звѣрей, и калѣчатъ ихъ жизнь, ихъ будущее, ему и дѣла нѣтъ“. Пришлось опять сидѣть, опять томительно, безконечно ждать пріѣзда „его самого“. А ужъ объ этомъ „самомъ“ я мелькомъ разслышалъ и узналъ, что это бестія изъ бестій: маленькій, желчный, остервенѣлый, державшій жандармовъ въ ежовыхъ рукавицахъ. И фамилія его была такая подлая; все это узналъ я изъ разговоровъ жандармовъ.

«Какъ-то онъ встрѣтитъ меня? И какъ держать себя?» И я сталъ напряженно надумывать отвѣты на вопросы, которые коснутся и уклоненія отъ пути въ Питеръ на Новоселицы, и исторіи въ Кишиневѣ, и писемъ, дворянскаго документа. Я особенно тревожился насчетъ моего пребыванія у контрабандиста въ Фалештахъ.

У меня закралось въ душу сомнѣніе: ужъ не онъ ли и выдалъ меня? Хотя допустить это было крайне трудно. Ну, что бы тамъ ни было, я постараюсь скрыть совершенно свое пребываніе въ Фалештахъ и свои сношенія съ контрабандистомъ. Меня могло выдать письмо, которымъ снабдилъ меня контрабандистъ: тамъ могло быть его имя, указаніе на цѣль моего пріѣзда къ Ицеку и проч. Но на что-нибудь да надо было рѣшиться, и я остановился на томъ, чтобы скрыть свою связь съ фалештскимъ контрабандистомъ. Въ головѣ уже сложился цѣлый разсказъ: я разсчиталъ дни моего скитанія, приплелъ г. Хотинъ и якобы находившагося тамъ моего знакомаго, къ которому я и направлялся черезъ Новоселицы.

Въ это время въ комнату поспѣшно вошло нѣсколько жандармовъ и быстро предупредили, что прибылъ и идетъ

сюда, господинъ полковникъ. Дежурившіе около меня жандармы прибрались, подтянулись и всецѣло превратились въ одно ожиданіе. Заволновался и я. Черезъ минуту дверь открылась, и два жандарма почтительно пропустили маленькаго, жирнаго, мелко и быстро шагавшаго полковника. Лицо было свирѣпое и злобное. Не глядя на меня, онъ подошелъ къ столу, положилъ папку съ бумагами и отрывисто, но громко проговорилъ:

— Вы что же это, удрать хотѣли? Ужъ не занимаетесь ли вы перевозкой преступной литературы?

Я опѣшилъ отъ этого натиска. „Однако, онъ жандармъ съ подвохами; изъ тѣхъ, что считаютъ себя или считаются ловцами".

— Я не понимаю вашего обращенія ко мнѣ: я ниоткуда не собирался удирать. Не понимаю также, причемъ тутъ литература? Будьте добры выслушать меня, разобраться въ моихъ бумагахъ и отпустите, пожалуйста, въ Петербургъ; я и такъ уже наказанъ и понесу свою отвѣтственность за такое долгое уклоненіе отъ прямого пути своего слѣдованія.

— Какъ же я отпущу васъ, когда вы явно замышляли побѣгъ? Какимъ образомъ вы очутились въ Новоселицахъ, когда вамъ надо было прямо, незамедлительно ѣхать въ Петербургъ? Я васъ обвиняю въ побѣгѣ и потому долженъ арестовать васъ и отправить въ тюрьму. Приготовьтесь. Я сегодня пріѣду и сниму съ васъ допросъ. Вотъ тебѣ бумаги,—обратился онъ къ одному изъ мѣстныхъ жандармовъ и вынулъ изъ портфеля какой-то листокъ: отвезешь еще съ кѣмъ-нибудь въ тюрьму. Я самъ скоро буду тамъ.

Надо было ѣхать въ тюрьму. Я безучастно покорился гнусной необходимости и одѣвшись, сталъ ждать. Полковникъ передалъ жандарму бумажку и, не глядя на меня, величе-

ственно выкатилъ изъ комнаты. Онъ поймалъ великаго преступника, и по его лицу видно было, что онъ надѣется создать большое дѣло, отличиться прозорливостью, умѣніемъ находить и пресѣкать. А, можетъ быть, просто соскучился по „дѣлу" и потому такъ горячо и грозно принялся за меня господинъ полковникъ? Но я ужъ безнадежно чувствовалъ, что отсюда, изъ его-то именно рукъ, мнѣ не уйти и надо будетъ покоряться и терпѣть, не зная завтрашняго дня.

Двое жандармовъ попросили меня слѣдовать за собою. Я пошелъ за ними, прошелъ мимо публики. На станціонномъ дворѣ меня ужъ ждалъ полузакрытый фаэтонъ.

Я усѣлся съ однимъ жандармомъ рядомъ, другой примостился противъ, и фаэтонъ покатился въ тюрьму.

„Уѣздная тюрьма?.." Ничего добраго она не предвѣщала. Дикій произволъ, вытекающій изъ двойного провинціальнаго невѣжества и желанія начальственной мелкоты поусердствовать передъ столичной администраціей. Объ этомъ я много слышалъ изъ устъ своихъ ссыльныхъ товарищей, которымъ на своемъ вѣку не разъ приходилось побывать въ этихъ уѣздныхъ тюрьмахъ, и я ждалъ самаго сквернаго.

Тюрьма была на другомъ концѣ города, поэтому ѣхали очень долго. Рѣдкіе прохожіе еле осмѣливались заглянуть однимъ глазомъ во внутрь брички, пугливо сторонились и быстрѣе пробирались далѣе. Городокъ утопалъ въ зелени, по улицамъ было безмятежно тихо. Домики сонно выглядывали изъ-за палисадниковъ.

„А я въ тюрьму... и Богъ знаетъ, какъ долго тамъ промучусь? Ну, и переправа!" — думалъ я и тоскливо мечталъ уже даже не о за границѣ, а только о Питерѣ. Теперь Питеръ сталъ моей страстно желанной цѣлью. Если бы отослали въ Питеръ, я ничего лучшаго не хотѣлъ бы:

„тамъ совершенно иначе отнесутся ко всему случившемуся. Ну, подержатъ въ тюрьмѣ, но скоро и выпустятъ, а вѣроятнѣй всего, что я просто отдѣлался бы пустяками и заплатилъ бы штрафъ за уклоненіе отъ прямого пути слѣдованія“.

Фаэтонъ вдругъ остановился передъ какимъ-то каменнымъ заборомъ; ничего за нимъ я не видѣлъ. Жандармы попросили выйти. Мы подошли къ тюремнымъ воротамъ, у которыхъ стоялъ тюремный надзиратель. Жандармы показали какую-то бумагу, и надзиратель медленно отперъ намъ ворота. Сухой скрипъ ихъ точно царапнулъ мою душу. И мнѣ сдѣлалось смертельно тоскливо, точно открылась крышка гроба, чтобы сейчасъ же придавить меня и навѣки захлопнуться. Мы прошли въ узкій, крытый проходъ, ворота снова скрипнули и медленно, но крѣпко и гулко заперлись за нами.

— Идите налѣво, въ двери, — крикнулъ намъ надзиратель.

Жандармы открыли двери, и мы очутились въ полутемной пріемной, гдѣ было нѣсколько надзирателей и уголовныхъ арестантовъ; одни изъ нихъ по-домашнему копошились и прибирали; другіе же, понурые, жались у стѣнъ, точно чего-то ждали. Жандармы попросили доложить немедленно начальнику; старшій тюремный надзиратель поспѣшно вышелъ, и, спустя немного времени, въ комнату вошелъ начальникъ. Онъ молча принялъ изъ рукъ жандарма бумагу, внимательно прочелъ ее и отвѣтилъ:

— Хорошо, вамъ нужно расписку дать.

И направился къ рѣшеткѣ, за которой былъ столъ съ письменными принадлежностями. Онъ написалъ отвѣтную бумагу, въ которой говорилось (онъ прочиталъ ее вслухъ), что онъ, начальникъ тюрьмы, такой-то, принялъ отъ та-

кихъ-то политическаго арестанта такого-то, за номеромъ такимъ-то. И затѣмъ, вручивъ жандармамъ бумажку, обратился ко мнѣ:

— Будьте добры идти за мной. Степанъ, захвати ключи отъ женской больнички.

Я пошелъ за нимъ въ сопровожденіи старшаго надзирателя Степана. Начальникъ тюрьмы былъ ни большой, ни маленькій, лицо ни злое, ни доброе, но довольно озабоченное. Впечатлѣніе отъ него оставалось какое-то сѣрое и, пожалуй, говорило больше въ его пользу, чѣмъ противъ него. Къ тому же онъ былъ еще молодъ, и это уже смягчало его строгій, начальственный видъ. Яересталъ особенно безпокоиться насчетъ излишняго усердія съ его стороны. Еще лучше я почувствовалъ себя, когда онъ вдругъ заговорилъ со мной.

— Право, не знаю, гдѣ и помѣстить васъ; у насъ спеціальныхъ камеръ для политическихъ арестантовъ не существуетъ. А тюрьма къ тому же маленькая; она разсчитана всего на 50—70 человѣкъ, лишнихъ номѣщеній совершенно не имѣется. Придется васъ помѣстить въ женскомъ отдѣленіи, тамъ имѣется камера, которая раньше служила женской больничкой, теперь она пустуетъ. Авось недолго придется. Васъ гдѣ арестовали?

Я отвѣтилъ. Въ это время мы шли ужъ по двору, который окружалъ четырехугольное одноэтажное зданіе: это и было жилое помѣщеніе для уголовныхъ. У противоположнаго конца двора ютилось маленькое зданіе: то была женская тюрьма. Мы вошли въ полутемный коридоръ, гдѣ-то шарахнулась мышь, прошли 3—4 камеры и очутились у конца коридора. Здѣсь Степанъ завозился съ ключами, отперъ двери,—и передо мной открылась,—было громко сказать: камера (для этого я слишкомъ хорошо

помнилъ питерскую „предварилку"), — а просто маленькая, жалкая землянка, съ землянымъ поломъ, облѣзлыми стѣнами, съ доской, придѣланной на деревянныхъ полѣньяхъ, у стѣны въ видѣ наръ для спанья, и... больше ничего—ни стола, ни стула; воздухъ сырой, пахло сырой землей.

— Вотъ ваше помѣщеніе, съ удовольствіемъ отвелъ бы вамъ другое, если-бъ было,—какъ бы извинялся начальникъ, самъ смущенный жалкимъ видомъ землянки.— Надо будетъ принести вамъ хоть стуликъ, столовъ лишнихъ нѣтъ. Степанъ устроитъ насчетъ умыванья; можете купить себѣ чайникъ, чаю, сахару, бѣлаго хлѣба, пожалуй, колбасу утромъ, — послѣ обѣда и вечеромъ отпускается кипятокъ. Ну-съ, кажется, все. Да, не желаете ли видѣть доктора?

Я подумалъ: докторъ все же человѣкъ интеллигентный, увижу его—все же станетъ легче, и попросилъ прислать его.

— Онъ скоро самъ будетъ здѣсь; тогда онъ зайдетъ къ вамъ. Ну, пока прощайте. Устраивайтесь получше.

И съ этими словами онъ вышелъ; любезность и незлобливость его меня пріятно удивили, я ожидалъ отъ провинціальнаго начальника совсѣмъ другого...

Степанъ на минутку еще задержался. Онъ былъ очень молодъ; лицо казалось простымъ и добрымъ, и, дѣйствительно, онъ участливо сталъ хлопотать о томъ, чтобы закупить мнѣ чайникъ, сахаръ, чаю; пока предложилъ сейчасъ же кипятку изъ своего чайника и чашки, далъ и сахаръ. Устроилъ умыванье изъ щербатой миски. Я былъ ему безконечно признателенъ; послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, безъ умыванья, безъ раздѣванья, я одного только желалъ: физически прибраться, почиститься, растя-

нуться на постели и лежать неподвижно день, два, десять... долго-долго, пока не отдохну, не успокоюсь, не приду въ себя отъ всѣхъ этихъ мытарствъ, арестовъ, жандармскихъ комнатъ. И какъ ни убога была моя камера, я съ наслажденіемъ теперь мечталъ о томъ, какъ я умоюсь, выпью чаю и улягусь на постель и останусь одинъ. Но мнѣ и здѣсь не суждено было сразу успокоиться, и здѣсь меня сейчасъ же ожидалъ удивительный сюрпризъ.

Черезъ полчаса, пока мы съ Степаномъ прилаживали мою камеру, ко мнѣ вошелъ въ сопровожденіи начальника докторъ, небольшого роста, съ милымъ, располагающимъ лицомъ; онъ какъ-то смущенно смотрѣлъ на меня, но видно было, что онъ желаетъ произвести на меня благопріятное, успокаивающее впечатлѣніе.

— Простите, я не помѣшаю вамъ?

— Нѣтъ, пожалуйста! Я радъ, что вижу васъ, господинъ докторъ! У меня къ вамъ горячая просьба; я чувствую себя очень скверно. Насколько зависитъ отъ васъ, нельзя ли похлопотать насчетъ улучшенія пищи. Я готовъ оплатить ее изъ своихъ средствъ, лишь бы позволили брать обѣдъ съ воли. Затѣмъ, насчетъ прогулки.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, я думаю, что все это можно будетъ устроить. Простите, если я полюбопытствую: мнѣ сказали, что вы изъ г. Х?

— Да, а что?

— У меня тамъ живутъ мои родственники, по фамиліи П.

— Да что вы?—изумленно обрадовался я.—Вѣдь П. мои лучшіе друзья, я у нихъ былъ, какъ свой, жилъ съ ними, каждый день обѣдалъ у нихъ. Неужели это ваши родственники?

И я потянулся къ рукѣ доктора, онъ живо схва-

тилъ мою руку и крѣпко, съ большимъ чувствомъ пожалъ ее.

Онъ, видимо, былъ не менѣе, чѣмъ я, обрадованъ такой неожиданной встрѣчей съ человѣкомъ, который былъ близокъ съ его друзьями-родственниками. Оказалось, что онъ и П. учились вмѣстѣ въ Москвѣ, крѣпко любили другъ друга и т. д.

Начальникъ стоялъ и, молча, смущенно улыбался; онъ, видимо, не зналъ, какъ отнестись къ тому, что политическому арестанту докторъ, котораго онъ, очевидно, уважалъ за „высшее образованіе", такъ фамильярно пожималъ руку. Я перекинулся съ докторомъ еще нѣсколькими воспоминаніями о нашемъ общемъ другѣ П. Затѣмъ докторъ предложилъ присылать мнѣ изъ своего дома каждый день обѣдъ и завтракъ; супруга его будетъ только рада этому. Насчетъ позволенія нечего безпокоиться.

— Вы, Ардаліонъ Ивановичъ, ничего не будете имѣть противъ? — обратился онъ къ начальнику.

— Я лично, разумѣется, нѣтъ, но не знаю... надо бы спросить жандармскаго полковника. Пока присылайте, а тамъ видно будетъ.

— Если бы можно было книгъ достать, я вѣдь не знаю, сколько времени меня продержатъ здѣсь.

— Я могу вамъ прислать только *Журналъ для всѣхъ* за годъ, другія книги у меня все медицинскія. Книги, я думаю, Ардаліонъ Ивановичъ, тоже можно прислать?

— Да, присылайте, я лично не ставлю препятствій, надо будетъ только съ полковникомъ уладить.

Наконецъ, докторъ сердечно распрощался, снова крѣпко пожавъ мнѣ руку, и обѣщалъ завтра навѣстить меня, а сегодня же прислать и обѣдъ, и *Журналъ для всѣхъ*.

«Господи, что за приключенія я переживаю все время!

Казалось, попалъ въ могилу, а вотъ теперь у меня есть почти другъ, человѣкъ моего круга, почти моихъ убѣжденій, есть кому теперь и позаботиться обо мнѣ, а главное, есть благодаря ему, книги, сносный обѣдъ; могу во время его приходовъ душу отвести. Надо мной точно кто-то издѣвается: то бросаетъ въ безвыходное положеніе, крайнее отчаяніе, то опять выноситъ меня на волнахъ надежды, случайной удачи!...“

Скоро принесли съ воли отъ доктора обѣдъ, а жена доктора велѣла даже кланяться и извинялась за скромные размѣры обѣда; завтра будетъ лучше. Вкусный, горячій, питательный обѣдъ, чай послѣ обѣда, перспектива развалиться на нарахъ, заснуть надолго, насколько хочется... „нѣтъ, положительно, я начинаю снова оживать. Все пока болѣе, чѣмъ сносно, а что задумываться о будущемъ, высплюсь и виднѣе будетъ!...“ И я послѣ обѣда и чая залегъ спать. На нарахъ лежалъ грязный, набитый тощей соломой и обтянутый сѣрой парусиной матрацъ. Было жестко до боли, я не могъ изъ-за этого раздѣться. Но все же, какъ ни скверна была постель, я заснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ и долгимъ сномъ. Спалъ я до глубокой ночи. Къ счастью, меня никто не будилъ. Лишь минутъ двадцать спустя послѣ того, какъ я очнулся отъ сна, ко мнѣ явился старшій надзиратель. Онъ принесъ небольшую парашу, освѣдомился о моемъ самочувствіи и, пожелавъ покойной ночи, скоро ушелъ. Я остался одинъ, зажегъ лампочку... тускло мерцалъ огонекъ. И на душѣ опять заскребли тысячи кошекъ. Сдѣлалось такъ тоскливо, почувствовалось такое одиночество, что прямо слезы на глаза навертывались, и я еле могъ удержать ихъ.

Но что это за плачъ или вой, который вдругъ донесся ко мнѣ изъ корридора? Я сталъ вслушиваться.

Боже, что за ужасный вой, какія плачевныя, тягучія причитанія! Все это, оказалось, доносилось изъ женскихъ камеръ. Отъ этихъ причитаній душа разрывалась... сколько горя, отчаянья, неизбывной тоски чувствовалось въ нихъ. Они напоминали молитву, ибо произносились нараспѣвъ. До глубокой ночи я слышалъ эти пѣвучія рыданія и мнѣ такъ же, какъ, вѣроятно, и рыдавшимъ женщинамъ, все время казалось, что весь міръ уходитъ изъ - подъ ногъ, гибнетъ, и мы гибнемъ вмѣстѣ съ нимъ. Всю остальную ночь я уже не спалъ, а бредилъ. Только къ утру я часа на два забылся въ тяжеломъ, свинцовомъ снѣ. Меня разбудилъ отворявшій дверь надзиратель. Онъ принесъ кипятокъ и хлѣбъ.

— Какъ спали?

— Скверно, здѣсь кто-то всю ночь плакалъ.

— А это уголовныя женщины - еврейки, рядомъ съ вами. У нихъ теперь праздники, онѣ такъ молятся.

— Въ которомъ часу обыкновенно бываетъ докторъ у васъ.

— Да, какъ иногда... часамъ къ 12, а то и въ 2.

Я умылся, выпилъ чаю и снова прилегъ на постель въ напряженномъ ожиданіи доктора. *Журналъ для всѣхъ* мнѣ еще не приносили, и чтобы убить время, я сталъ придумывать для господина полковника правдоподобную исторію моихъ приключеній. Меня главнымъ образомъ пугало содержаніе писемъ, которыя всѣ были на еврейскомъ языкѣ. Но все же исторія была надумана. Здѣсь такъ же, какъ и въ Кишиневѣ, пришлось разсчитывать: или панъ, или пропалъ! За этимъ раздумываніемъ засталъ меня пришедшій докторъ; онъ былъ одинъ безъ начальника; мы оба крайне обрадовались этому. Онъ присѣлъ на кровати, и мы стали бесѣдовать, какъ лучшіе друзья. Онъ крайне

тревожился за мою судьбу, ибо зналъ всю подлую натуру господина жандармскаго полковника. Не любопытствуя изъ деликатности насчетъ исторіи и обстоятельствъ моего ареста, онъ совѣтовалъ вообще быть осторожнѣй. Предложилъ, если пожелаю, написать въ мой родной городъ къ П. съ извѣщеніемъ о моей судьбѣ. Я не помню, принялъ ли я его предложеніе. Кажется, что нѣтъ, ибо боялся подводить его. Онъ черезъ полчаса ушелъ. Скоро принесли отъ него обѣдъ. Сейчасъ же послѣ обѣда за мной явился надзиратель и повелъ меня въ контору.

— Господинъ полковникъ пріѣхалъ,—шепнулъ онъ на ходу.

„Значитъ допросъ!" Меня охватило сильное волненіе. Предстоялъ бой, въ которомъ главнымъ оружіемъ нападенія и обороны служила хитрость, и только хитрость. „Кто кого перехитритъ?"

Меня ввели черезъ контору въ боковую комнату. Здѣсь возсѣдалъ господинъ полковникъ, а около него почтительно стоялъ начальникъ; мнѣ и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, невольно бросилось въ глаза, какъ боялись и почтительно трусили господа чиновники передъ всякимъ жандармскимъ чиномъ, начиная съ полковника и кончая простымъ унтеромъ. Начальникъ сейчасъ же на цыпочкахъ удалился, вышелъ и надзиратель, и мы остались вдвоемъ. Полковникъ молча, не глядя на меня, сдѣлалъ пригласительный жестъ рукой, чтобы сѣсть. Я сѣлъ. Полковникъ съ минуту рылся въ бумагахъ и вдругъ поднялъ голову и, впившись въ меня глазами, громко и категорически заговорилъ:

— Итакъ, вы должны чистосердечно признаться, зачѣмъ вы намѣревались совершить побѣгъ? Если вы во

всемъ признаетесь, ваша вина значительно смягчится, и я сдѣлаю все для облегченія вашей участи.

— Я никакого побѣга не совершалъ и никакой вины за собой не чувствую. Если угодно, я разскажу, какъ обстояло дѣло. Я совершенно недоумѣваю насчетъ своего ареста, могу объяснить его однимъ, совершенно произвольнымъ подозрѣніемъ.

— Какъ же не совершали побѣга, когда вы должны были ѣхать въ Петербургъ, а очутились у австрійской границы, безъ вещей. Гдѣ ваши вещи? Къ кому вы ѣхали въ Новоселицы? Какой же дуракъ вамъ повѣритъ, что вы все это сдѣлали спроста; а затѣмъ, васъ и въ Кишиневѣ задержали, а этотъ арестъ въ Кишиневѣ вы чѣмъ объясняете? И что вамъ нужно было въ Кишиневѣ?

Полковникъ засыпалъ меня вопросами, думая такимъ образомъ сбить меня съ толку.

— Чтобы объяснить, гдѣ мои вещи и почему я очутился въ Кишиневѣ, я долженъ разсказать вамъ по порядку. Если угодно выслушать, я разскажу.

— Хорошо, разсказывайте.

— Я студентъ петербургскаго ф—го института. Въ 190... г. меня выслали изъ Петербурга па родину. Здѣсь я пробылъ десять мѣсяцевъ въ ожиданіи рѣшенія своего дѣла. Въ концѣ сентября я вдругъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ для продолженія занятій, хотя надзоръ надо мной и не снимался, а лишь переносился изъ родного города въ Петербургъ. Разрѣшеніе это застало меня врасплохъ: у меня не было ни копейки денегъ, чтобы имѣть возможность пріѣхать въ Питеръ, заплатить за право ученія, прожить хоть первые два-три мѣсяца, справить форму и проч. А выѣзжать надо было немедленно, ибо я уже числился за петербургскимъ жан-

дармскимъ отдѣленіемъ и х... жандармское управленіе торопило меня съ выѣздомъ. Меня снабдили проходнымъ свидѣтельствомъ на проѣздъ въ Петербургъ. Я зналъ, что задерживаться при такомъ свидѣтельствѣ въ дорогѣ нельзя, но ѣхать безъ минимума необходимыхъ денегъ я также не могъ, и я рѣшился уклониться отъ пути. Въ Одессѣ у меня были друзья, и я у нихъ досталъ немного денегъ, но мнѣ этого было мало; я узналъ отъ нихъ, что въ Кишиневѣ живутъ наши общіе знакомые, у которыхъ я могъ свободно достать еще рублей 100. Я направился въ Кишиневъ. Точнаго адреса я не зналъ, я долженъ былъ разыскать своихъ знакомыхъ по нѣкоторымъ косвеннымъ справкамъ о нихъ. Дѣло было къ вечеру, искать было трудно, и я рѣшилъ гдѣ-нибудь переночевать, чтобы на другой день разыскать своихъ знакомыхъ. Я зашелъ для ночевки въ первую попавшуюся гостиницу. Ну, а тутъ, къ несчастью, я нарвался на ночную полицейскую облаву, пришлось имѣть на слѣдующее утро объясненіе съ кишиневскимъ полиціймейстеромъ. Недоразумѣніе объяснилось, и меня сейчасъ же отпустили. Я разыскалъ знакомыхъ, но, къ великому сожалѣнію, они ничѣмъ не могли въ ту минуту помочь: одинъ изъ братьевъ перевелся на службу въ земство въ Хотинъ, и только у него я могъ бы достать необходимыя мнѣ деньги.

— А какъ зовутъ и чѣмъ занимаются ваши знакомые въ Кишиневѣ?—прервалъ меня полковникъ съ видомъ равнодушія и простого любопытства.

— Простите, господинъ полковникъ, но я долженъ впередъ заявить вамъ, что ни имени, ни фамилій, ни рода занятій своихъ знакомыхъ я называть не буду.

— Почему же? Вотъ видите,—злорадно ухватился онъ и впился въ меня глазами,—у васъ есть основанія скры-

вать имена своихъ знакомыхъ. Если вы за собой никакой вины не знаете, если у васъ совѣсть чиста, то почему бы не назвать вамъ своихъ знакомыхъ? Другой, наоборотъ, именно назвалъ бы своихъ знакомыхъ и этимъ помогъ бы своей реабилитаціи. Вотъ назовите, кто ваши знакомые, и я смогу повѣрить вашему разсказу.

— Я повторяю вамъ, господинъ полковникъ, что я не буду называть вамъ ни именъ, ни фамилій, ни адресовъ своихъ знакомыхъ: что бы вы объ этомъ ни подумали... И у меня, дѣйствительно, есть основанія скрывать ихъ имена, но не тѣ, которыя вы предполагаете. Я самъ попалъ въ печальное недоразумѣніе лишь по одному подозрѣнію, поэтому я не хочу впутывать въ это же недоразумѣніе и другихъ, своихъ знакомыхъ. Я хорошо знаю нравы и пріемы жандармеріи; стоитъ лишь назвать имя, адресъ, какъ сейчасъ же, еще ничего не зная, сдѣлаютъ обыскъ, пожалуй, арестуютъ, причинятъ тысячи непріятностей. Пока тамъ еще выяснятъ невиновность человѣка, а вредъ ему уже нанесенъ непоправимый. Я просто не хочу, не имѣю нравственнаго права причинять знакомымъ всѣ эти непріятности. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь они не знаютъ, въ какое положеніе я попалъ — и вдругъ къ нимъ явятся съ обыскомъ, опросами. Нѣтъ, я не буду называть ни имени, ни фамилій: этого отъ меня требуетъ простая порядочность.

— А я думаю, куда порядочнѣй назвать своихъ знакомыхъ и тѣмъ показать, что вы невинны.

— Ну, у меня, значитъ, другое понятіе о порядочности.

— Я попросилъ бы васъ,—желчно вскипѣлъ онъ,—поменьше философствовать. Продолжайте плести вашъ разсказъ.

— Я не плету разсказъ, я говорю, что было. Я могу совершенно отказаться отъ разсказа.

— Пожалуйста, безъ обидъ. Я слушаю васъ, продолжайте.

— Я сказалъ вамъ, что у кишиневскихъ знакомыхъ не было денегъ, и они убѣдили меня отправиться къ ихъ брату въ Хотинъ. Время уклоненія отъ прямого пути затягивалось, но друзья успокоили меня тѣмъ, что такіе случаи бываютъ слишкомъ часто, и всегда отдѣлываются пустяками. И я направился въ Хотинъ. Вещи я рѣшилъ оставить на вокзалѣ, квитанцію на ихъ полученіе отдалъ знакомымъ, которые обѣщались по первому же требованію выслать ихъ въ Петербургъ. А вещей я не бралъ съ собой потому, что приходилось верстъ 70 таскаться до Бѣлецъ въ подводѣ. Изъ Кишинева я выѣхалъ на станцію Пырлицы. Здѣсь взялъ фурманщика и подрядился ѣхать въ Бѣльцы. Фурманщикъ былъ изъ этого города, и ему было по пути. Въ Бѣльцахъ мнѣ пришлось остановиться у фурманщика, я проболѣлъ здѣсь лихорадкой дня полтора. Затѣмъ я выѣхалъ въ Новоселицы, чтобы отсюда уже отправиться съ подводой въ Хотинъ, а изъ Хотина намѣревался пріѣхать въ Петербургъ.

— Однако же, неудачно вы плетете свой разсказъ,— чуть не подскочилъ отъ радости господинъ полковникъ.— Кой же чортъ поѣдетъ въ Новоселицы, чтобы пробраться въ Хотинъ, если путь въ Хотинъ лежитъ черезъ станцію Мамалыги, откуда всего верстъ двадцать до Хотина. Вотъ видите, развѣ не ясно, что вы все придумываете?

Я лишь на мгновеніе смутился, но не подалъ виду и также спокойно продолжалъ, уже придумавъ естественный выходъ.

— Я это зналъ и сдѣлалъ намѣренно. Видите ли, если бы я поѣхалъ въ Хотинъ черезъ Мамалыги, то рисковалъ бы застрять тамъ на станціи. Подходили еврейскіе праздники,

и ни один фурманщикъ не согласился бы повезти въ Хотинъ наканунѣ праздниковъ. А въ Новоселицахъ фурманщикъ, который везъ меня изъ Пырлицъ въ Бѣльцы, имѣлъ своего родственника, къ нему-то онъ и далъ мнѣ одно изъ писемъ, которыя вы удержали, и увѣрилъ, что родственникъ непремѣнно повезетъ меня въ тотъ же день.

— Ну,—покачалъ головой въ недоумѣніи, но и въ страшномъ недовѣріи полковникъ,—и хитро же вы плетете! Ужо посмотримъ, что у васъ въ письмахъ написано!..

Я понялъ сейчасъ же, что письма еще не прочитаны, и подумалъ, что сейчасъ я могу, не краснѣя, плести дальше.

— Ну-съ и дальше?—испытующе поглядѣлъ на меня полковникъ.

— Что же дальше. Вы сами знаете; меня почему-то задержали въ Окницахъ и отвезли сюда. Насчетъ этого ареста я совершенно недоумѣваю и убѣдительно прошу васъ, господинъ полковникъ, отпустить меня въ Петербургъ. Тамъ я расплачусь за уклоненіе, а между тѣмъ каждый день ухудшаетъ мое положеніе.

— Ну, вы слишкомъ многаго захотѣли,—такъ легко отдѣлаться отъ меня вамъ не удастся. Скажите, какъ зовутъ вашего фурманщика, и затѣмъ, къ кому вы ѣхали въ Хотинъ?

— Я уже говорилъ вамъ, господинъ полковникъ, что никакихъ именъ я не буду называть.

— Да какъ же такъ?!—окончательно взбѣсился полковникъ,—я долженъ вести о васъ дознаніе, и вы не даете никакой возможности не только навести о васъ справки, но даже подтвердить вашъ разсказъ. Если бы вы назвали фурманщика, знакомыхъ, у кого вы оставили вещи, знакомаго, къ которому ѣхали, легко было бы у нихъ просто справиться о васъ, подтвердить ваши слова, и я бы от-

пустилъ, а теперь вы такимъ упорствомъ сами отрѣзываете себѣ путь для своего оправданія. Не могу повѣрить ни одному слову вашему. Наоборотъ, ваше упорство только подтверждаетъ всѣ мои подозрѣнія и всю необходимость вашего ареста. Очевидно, что вамъ есть что скрывать и очень важное. Я васъ обвиняю въ побѣгѣ и перевозкѣ нелегальной литературы!—злобно закончилъ онъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, я все же именъ называть не буду; не хочу доставить людямъ тѣ непріятности, которыя я самъ сейчасъ переживаю.

— Если вы упорствуете въ скрываніи именъ, то я вынужденъ буду принять другія мѣры. Я изъ вашихъ показаній не вижу ровно ничего: судя по нимъ, вы оказываетесь чистымъ, какъ агнецъ. Но кому же неясно, что, если вы, вмѣсто Петербурга, очутились въ Новоселицахъ, то не иначе, какъ для побѣга или чего-нибудь еще худшаго. Я долженъ буду о васъ телеграфировать въ департаментъ полиціи, а затѣмъ этапнымъ порядкомъ препроводить васъ для опознанія въ Бѣльцы, изъ Бѣлецъ повезутъ васъ тѣмъ же порядкомъ въ Кишиневъ, изъ Кишинева въ вашъ родной городъ X. Мнѣ придется выволочить васъ по всѣмъ тюрьмамъ, разъ вы сами не даете возможности провѣрить ваши показанія... А вотъ этотъ документъ, — торжествующе приподнялъ онъ мое дворянское свидѣтельство,—какимъ образомъ очутился у васъ?

— Этотъ документъ я долженъ былъ передать названному въ немъ лицу въ Питерѣ, если бы разыскалъ его. Мнѣ вручилъ его для передачи мой знакомый изъ моего города.

— И больше ничего?—неистово злобствовалъ полковникъ, весь наливаясь кровью.

— Больше ничего.

— Поразительно, поразительно, какъ ваша братія умѣетъ лгать!—кипѣлъ онъ, чуть не разрываясь.—Ну, а письма? Отъ кого и кому они адресованы? Вы, можетъ, разскажете ихъ содержаніе?..

— Содержанія ихъ я не знаю. Одно изъ нихъ—фурманщика къ его родственнику въ Новоселицы,—проситъ, вѣроятно, оказать мнѣ, какія потребуются, услуги. Два другія мнѣ нужно было передать въ Петербургъ отъ своихъ земляковъ.

— Разумѣется, вы имена этихъ знакомыхъ не назовете, этого требуетъ ваша порядочность,—злобно ехидствовалъ полковникъ.

— Да, не назову...

— Это чертъ знаетъ, что такое! Скажите, что же мнѣ объ васъ телеграфировать въ Петербургъ?

— То, что я показалъ вамъ... мнѣ нечего прибавить...

— Возьмите бумагу, вотъ она, пишите отвѣты на поставленные тамъ вопросы.

Эта бумага была мнѣ знакома по Питеру, въ ней задавались вопросы объ имени, отчествѣ и фамиліи арестанта, мѣстѣ жительства, о родѣ занятій и проч. Затѣмъ шла графа: „показалъ слѣдующее"... Когда я подошелъ къ ней, полковникъ остановилъ меня.

— Такъ вы ничего не прибавите къ сказанному?

— Ничего,—я показалъ, что было.

— Ну, пишите то, что вы плели мнѣ.

Я писалъ свое показаніе. Когда я подходилъ къ упоминанію знакомыхъ, полковникъ останавливалъ меня и заставлялъ приписывать въ скобкахъ (а имя, фамилію и адресъ его показать отказываюсь). Я докончилъ свое показаніе. Полковникъ позвалъ начальника и велѣлъ отвести меня обратно, не сказавъ, когда будетъ опять и что на-

мѣревается сдѣлать со мной. Онъ былъ взбѣшенъ, и я считалъ излишнимъ о чемъ-либо говорить съ нимъ, радуясь лишь, что отдѣлался отъ этого звѣря.

Меня отвели обратно. Я былъ достаточно измочаленъ допросомъ, и первымъ дѣломъ повалился на постель, стараясь ни о чемъ не думать. Но мысли все же одолѣвали.

„Если въ письмахъ ничего особеннаго нѣтъ, нѣтъ именъ, адресовъ и проч., то я, кажется, и здѣсь вывернусь, право же, вывернусь! Придумано все въ высшей степени правдоподобно; недаромъ же и бѣсился мой маленькій полковникъ. Развѣ кто пойдетъ наводить справки въ Кишиневѣ и узнаетъ о томъ, что я и тамъ подвелъ полицію, уѣхавъ ранѣе и не туда, куда имъ было угодно. Ну, да пусть справляется!“ И я все болѣе и болѣе возбуждался. „Цѣпки лапы у моего полковника, но, право же, я уйду изъ нихъ! Вотъ будетъ-то тріумфъ и издѣвательство надъ всѣми орудіями ихъ насилія и пресѣченій! Я не только второй разъ уйду изъ рукъ жандармеріи, но еще и переправлюсь черезъ границу: если выпустятъ отсюда въ Питеръ, я проберусь въ Варшаву“, гдѣ у меня также были связи для переправы. „Письмо въ Варшаву забрано, но адресъ явки и пароль я помню“. Я возгорѣлся страстнымъ желаніемъ дальнѣйшей борьбы, и чѣмъ сильнѣе представлялись въ моемъ воображеніи препятствія, тѣмъ сильнѣе росла жажда преодолѣть ихъ во что бы то ни стало!

— Я переправлюсь на зло всѣмъ силамъ жандармско-полицейской клики!

Пришелъ докторъ, но онъ почему-то казался смущеннымъ, говорилъ мало и скоро ушелъ. Принесли обѣдъ. Послѣ обѣда выпилъ чаю. Затѣмъ повели гулять. Я прогуливался между бѣлымъ каменнымъ внутреннимъ заборомъ и зданіемъ тюрьмы по одной сторонѣ четырехуголь-

ника. По объясненіямъ надзиравшаго за мною тюремнаго смотрителя, я былъ чуть ли не первымъ политическимъ, до сихъ поръ такихъ заморскихъ птицъ сюда не заносило. И это было видно по удивленнымъ и почтительнымъ взглядамъ, обращавшимся въ мою сторону со стороны уголовныхъ, сторонились эти арестанты еще почтительнѣе. Но, Боже, что за жалкій видъ былъ у этихъ арестантовъ! Какіе безконечно придавленные, оторопѣлые, точно каждую минуту ждали заушенія. Мнѣ и впрямь показалось, что режимъ для нихъ здѣсь долженъ быть прямо каторжный. Въ провинціи всякая власть безотвѣтственнѣй, грубѣй и невѣжественнѣй, и можно было представить себѣ, сколько приходилось терпѣть лишеннымъ правъ и человѣческаго достоинства арестантамъ. Общій внутренній видъ тюрьмы, всего, что глазъ могъ замѣтить изъ-за стѣнъ внѣ ихъ, былъ какой-то пришибленный, однообразно-тоскливый; внѣ стѣнъ я видѣлъ лишь облѣзлыя, мѣловыя возвышенности: это были отроги карпатской гряды. Ни кустика зелени, лишь бѣлыя, мѣловыя и порыжѣлыя пятна. Кругомъ мертвенно тихо, а дыханіе наступавшей осени придавало всему этому впечатлѣніе чего-то безконечно унылаго, безнадежнаго, навѣки обреченнаго.

Эти давившія меня мѣловыя горы, этотъ бѣлый высокій заборъ, эти забитые и изуродованные арестанты нагнали на меня безысходную тоску и заставили прервать прогулку ранѣе положеннаго времени. Я вошелъ въ камеру и повалился спать. „Спать безъ конца, чтобы забыть все, забыть впечатлѣніе заживо погребенныхъ людей, надеждъ, ожиданій!“ И я проспалъ до самаго вечера. Послѣ вечерняго чая я зажегъ лампочку и, какъ ни тускло она горѣла, я все же примостился кое-какъ для чтенія. Первая, наугадъ открытая страница остановила мое вни-

маніе на стихотвореніи Анны Боаннэ. Въ немъ говорилось о любви и свободѣ: „безконечно дорога человѣку любовь, но еще дороже для него безцѣнная свобода“.

„Знаютъ ли люди, что такое свобода, умѣютъ ли дѣйствитильно цѣнить ее, понимаютъ ли они ее во всей ея глубинѣ? Нѣтъ, тысячи и тысячи, пользующихся ею, не знаютъ и не понимаютъ, какимъ божественнымъ даромъ они владѣютъ. О, надо потерять ее, стать узникомъ, чтобы впервые достаточно оцѣнить ее!“ Боже, какъ близки были мнѣ теперь эти простыя, но полныя такого глубокаго смысла слова! Я ихъ не только понималъ, я ихъ сейчасъ переживалъ! „Я именно одинъ изъ тѣхъ тысячъ и тысячъ людей, которые, обладая драгоцѣннѣйшимъ изъ даровъ человѣческой природы, совершенно не понимали и не чувствовали всего неизмѣримаго значенія этого дара. И мнѣ надо было очутиться въ тюрьмѣ, чтобы впервые почувствовать всю боль, всю безконечную горечь и неизмѣримое отчаяніе отъ отсутствія свободы движенія, дѣйствій, сношеній съ живыми и дорогими мнѣ людьми! Какъ часто на волѣ я читалъ стихи о свободѣ, слышалъ въ нихъ стенанія лишенныхъ ея, но совершенно не переживалъ того, что такъ мучительно больно переживаю сейчасъ, читая тѣ же стихи. Передо мной не слова, а огненныя чувства! Они обжигаютъ меня, заставляютъ метаться въ смертельной тоскѣ. Развѣ можно передать словами всю ту боль, всю ту смертельную тоску, какую я переживаю сейчасъ...“ Я не могъ читать далѣе. Я безпомощно выпускалъ изъ рукъ книгу, снова бралъ ее, снова черезъ минуту выпускалъ и начиналъ метаться.

„Я не переживу этой ночи... мнѣ такъ скверно, такъ скверно. Я умру въ этихъ сѣрыхъ стѣнахъ, въ этой живой могилѣ!“ Я уже больше не читалъ, время тянулось не-

измѣримо долго. Пробовалъ встать и ходить, но приходилось дѣлать два-три шага, натыкаться на двери; землянка была гораздо меньше, чѣмъ звѣриная клѣтка, которую я видалъ въ звѣринцахъ. Я опять легъ и долго метался изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сонъ все же одолѣлъ, и я проспалъ до глубокаго утра.

Принесли чаю, еле умылся, — спалъ я не раздѣваясь, ибо было по осеннему холодно; это еще болѣе угнетало меня: я чувствовалъ на себѣ какія-то десятипудовыя тяжести.

Послѣ чая взялся было за чтеніе, но оно не шло: я сталъ нетерпѣливо ждать доктора. Но вотъ двѣнадцать, часъ, два... а его все нѣтъ, нѣтъ и обѣда. „Что бы это значило?“ Меня это привело въ волненіе; вывели на прогулку, тоскливо ушелъ съ прогулки въ камеру и попросилъ прислать ко мнѣ начальника. Черезъ часъ онъ явился, и видъ былъ у него смущенный.

— Я недоумѣваю, почему сегодня не пришелъ ко мнѣ докторъ, вѣдь онъ, кажется, каждый день бываетъ здѣсь. Я и обѣда отъ него не получалъ?

— Я долженъ вамъ сказать, — началъ онъ, заминаясь, — что полковникъ провѣдалъ, что вамъ докторъ доставляетъ обѣдъ и самъ подолгу бываетъ у васъ... Не знаю, ужъ что онъ тамъ заподозрилъ, но мнѣ строго на строго приказалъ больше обѣдовъ не допускать, а доктору онъ самъ предложилъ болѣе къ вамъ не ходить.

— Что за ерунда?.. причемъ тутъ докторъ: человѣкъ просто перекидывался двумя-тремя лишними словами, а господинъ полковникъ нашелъ возможнымъ что-то заподозрить и запретить навѣщать меня... какъ это дико!

— Вы сами видите, я тутъ не причемъ. Я лично не препятствовалъ, ну, а непріятностей тоже не хочется имѣть.

— Да я васъ, конечно, понимаю и не васъ виню... Ну, и полковникъ!

— Да, крутенекъ немного... Авось васъ скоро выпустятъ! Какъ вы думаете?—полюбопытствовалъ онъ.

— Да кто его знаетъ? Онъ обвиняетъ меня въ какомъ-то побѣгѣ, обвиненіе произвольное и вздорное. А скажите, онъ не пріѣзжалъ къ вамъ вчера и не говорилъ, когда думаетъ снова допросить, или что предполагаетъ сдѣлать со мной?

— Нѣтъ, онъ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, будьте здоровы, не унывайте. Авось все къ лучшему выйдетъ.

— Спасибо, до свиданія.

День прошелъ мерзко. Я лишился единственной отрады: видѣть доктора... Къ ночи я что-то читалъ, но опять затосковалъ о свободѣ, о любимой дѣвушкѣ и ужъ боялся такъ тосковать, какъ вчера,—слишкомъ было больно сердцу и душѣ. Я постарался разъсѣять себя какими-то посторонними мыслями и рано улегся спать. Новый день, который я началъ, обѣщалъ быть такимъ же сѣрымъ, какъ и вчерашній, но послѣ обѣда меня позвали въ контору. Я снова вошелъ въ боковую комнату и тамъ увидѣлъ полковника и, къ величайшему изумленію, доктора. Я не поклонился ни тому, ни другому: полковнику не хотѣлъ, а докторъ старался не глядѣть на меня. Вся фигура его выражала чувство полной растерянности. Онъ стоялъ у окна и переминался. На столѣ я увидѣлъ какіе-то маленькіе инструменты.

— Будьте добры раздѣться, — сухо попросилъ меня полковникъ, совершенно не глядя на меня, — съ васъ снимутъ ваши примѣты.

Я раздѣлся. Гнусно было очутиться совершенно голымъ

передъ звѣремъ-полковникомъ и докторомъ, но еще гнуснѣе показалось мнѣ дѣло доктора, который долженъ былъ своего вчерашняго друга и почти товарища теперь бездушно мѣрять и снимать съ него примѣты. Онъ былъ орудіемъ въ рукахъ моего ненавистника, а главное, не могъ отказаться отъ этой жалкой и гнусной роли, если онъ не желалъ рисковать своимъ мѣстомъ и даже свободой.

Краснѣя, сбиваясь, стараясь не встрѣчаться съ моими глазами, началъ докторъ снимать съ меня всякія мѣрки роста, рукъ, линій черепа, лица, запротоколивалъ нѣсколько примѣтъ, которыя полковникъ успѣлъ съ усердіемъ истой ищейки выловить на моемъ тѣлѣ, и черезъ полчаса кончилъ свое дѣло.

— Вы свободны...

— Что же, господинъ полковникъ, каково мое положеніе и скоро ли вы отправите меня въ Питеръ?

— Въ свое время узнаете,—пренебрежительно бросилъ онъ мнѣ, давая знать, что онъ не намѣренъ теперь вступать со мной въ разговоры.

Видно было, что злоба теперь ёще болѣе душила его, чѣмъ на первомъ допросѣ.

„Ужъ не нарочно ли устроилъ онъ эту антропометрическую процедуру, желая унизить доктора и напугать такими „важными“ измѣреніями меня? Чортъ съ нимъ, больше ни слова съ нимъ не скажу и ни о чемъ просить не буду!“ Съ этими мыслями я ушелъ въ свою камеру, оставивъ доктора еще въ большемъ смущеніи.

„Каково-то онъ, голубчикъ, чувствовалъ себя? Должно быть, пресквернo“! Прошелъ и этотъ день, а завтрашній ничѣмъ особеннымъ, новымъ и радостнымъ не манилъ къ себѣ, и я готовился къ нему, какъ и ко многимъ, еще предстоявшимъ долгимъ днямъ, вяло, безучастно, съ мыслью

„будь, что будетъ!“ Мнѣ удалось немного почитать, но вой женщинъ снова растревожилъ меня. Тамъ еще плакалъ какой-то ребенокъ при матери, и я не зналъ, куда дѣваться отъ этого дѣтскаго, безпомощнаго плача. Какой-то страхъ, ужасъ навѣвалъ онъ. „Какъ дико, звѣрски дико устроили люди свою жизнь: такъ гнетутъ своихъ же братьевъ, такія слезы, такіе стоны выжимаютъ, отъ которыхъ, кажется, міръ долженъ былъ бы содрогнуться, до своего основанія, а между тѣмъ пируютъ, радуются, даже торжествуютъ при видѣ этихъ слезъ, стоновъ и страданій! Я, кажется, съ ума сойду отъ этого плача!“ Мнѣ становилось страшно въ своей землянкѣ. Какія-то дикія тѣни надвигались на меня, готовы были схватить въ объятья и душить. Я натягивалъ на глаза пальто и старался съежиться подъ нимъ. Такъ провелъ я всю ночь безъ сна. День начался сѣрый и дождливый, мелкій дождикъ то переставалъ, то опять начинался. Докторъ не являлся. Обѣдъ былъ съѣденъ, я пошелъ гулять и уже хотѣлъ было уйти обратно въ камеру, лишь бы не глядѣть на эти облѣзлыя, унылыя и невыразимо грустно выглядывавшія мѣловыя горы, какъ меня потребовали въ контору. Здѣсь ждалъ меня господинъ полковникъ.

— Садитесь... вотъ... я телеграфировалъ въ департаментъ полиціи, оттуда получилъ отвѣтъ: — „установить фактъ побѣга“. А какимъ образомъ я установлю фактъ побѣга, если вы отказываетесь называть, къ кому ѣхали, гдѣ ваши вещи и т. д.? Если вы и теперь не дадите возможности установить хоть нѣкоторые точные факты, то я вынужденъ буду отправить васъ, какъ я говорилъ уже, по этапу въ Бѣльцы, Кишиневъ, иначе я ничего положительно не узнаю. Я прошу васъ дать дополнительныя показанія; поймите, вамъ же лучше, скорѣй все распу-

тается, и въ случаѣ вашей правоты вы немедля будете отпущены на свободу. Возьмите бумагу и пишите.

— Мнѣ положительно нечего прибавить къ тому, что я сказалъ уже на первомъ допросѣ. А именъ я называть не буду.—Я замолчалъ.

— Вы категорически отказываетесь дать какія-либо дополнительныя показанія?

— Я не отказываюсь, но мнѣ больше нечего показывать.

— Ну, пишите, что „давать какія-либо дополнительныя показанія отказываюсь".

— Я такъ не напишу,—повторяю, я не отказываюсь, а могу написать лишь слѣдующее...

И я сталъ писать: „къ тому, что было мною показано на первомъ допросѣ, я ничего не имѣю добавить ибо я показалъ все, что дѣйствительно было". Полковникъ молчалъ и разрывался отъ злости.

— Прекрасно, ну, а вотъ эти письма... вы содержаніе ихъ, конечно, знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я прочту вамъ.

Я насторожился, думая, что совсѣмъ пропалъ. Онъ сталъ читать, но въ нихъ, къ моему великому счастью, не оказалось ничего компрометирующаго ни меня, ни кого-либо другого. Въ нихъ говорилось почти одно и тоже: „милый Петя, или Ицекъ, сдѣлай все, о чемъ тебя этотъ господинъ или мой товарищъ попроситъ... твой Іося или Иванъ"... Я не могъ скрыть своей радости и нервно повертѣлся на стулѣ.

— Кто же этотъ Петя, Ицекъ, Ваня?

— Ваня мой товарищъ, Петя его знакомый, съ которымъ я долженъ былъ въ Питерѣ, благодаря этому письму,

познакомиться и воспользоваться его услугами по части квартиры, уроковъ и пр. Ицекъ, это, повидимому, родственникъ фурманщика.

— Припишите, что фамиліи лицъ, означенныхъ въ письмахъ, вы также называть отказываетесь.

Я приписалъ.

— Больше ничего... И я молча прошелъ мимо полковника: на этотъ разъ торжествовалъ ужъ я, а не онъ.

„Не ожидалъ, прямо не ожидалъ, что всѣ обстоятельства сложатся такъ блестяще! А главное, уйду изъ рукъ звѣря, который, несмотря на все свое глубокое убѣжденіе, что я что-то собирался сотворить — долженъ будетъ все же выпустить меня. Если удастся переправиться черезъ Варшаву, я, право же, напишу ему изъ-за границы письмо и посовѣтую быть прозорливѣй". Я весело и радостно возвратился въ свою камеру. Это замѣтилъ и надзиратель.

— Что, скоро выпустятъ?—освѣдомился онъ, желая объяснить мою необычную радость.

— Должно быть, скоро!

— Дай-то Господи, отъ души желаю!

— Спасибо. Нельзя ли чайку достать?

Мнѣ принесли кипятку, и я усѣлся пить чай, мечтая въ то же время о Варшавѣ.

«Нѣтъ, это будетъ болѣе, чѣмъ оригинально: два раза уйти изъ рукъ полиціи и жандармеріи на протяженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль и въ концѣ концовъ выполнить, что задумалъ! Теперь надо ждать лишь отвѣта изъ департамента полиціи!» Остатокъ дня прошелъ незамѣтно: я сильно размечтался о новой, предстоящей переправѣ. Я представлялъ себѣ въ воображеніи все безсиліе злобы и остервенѣніе жандармовъ, когда они узнаютъ,

какъ легко я провелъ ихъ и что я дѣйствительно удралъ за границу. Ночь проспалъ чудесно. Новый день я началъ въ ожиданіи чего-то особеннаго. Каждый стукъ и появленіе надзирателя приводили меня въ сильное волненіе: ужъ не пришли ли за мной. Едва подали обѣдъ, какъ ко мнѣ неожиданно вошелъ начальникъ.

— Здравствуйте! Будьте добры скорѣе пообѣдать и собраться, васъ требуютъ въ полицейское управленіе къ исправнику.

Сердце забилось еще сильнѣе отъ радости: «это къ лучшему, должно быть, выпускаютъ!»...

— Вы не знаете, зачѣмъ меня зовутъ?

— Право, не знаю... должно быть, освобождаютъ, ибо въ бумагѣ ко мнѣ сказано, чтобы выписать васъ изъ числящихся за тюрьмой.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то! Я сейчасъ... я, пожалуй, ужъ готовъ, пойдемте. Мы вошли въ контору; здѣсь меня ожидалъ уже какой-то городовой съ книгой въ рукахъ. Минутъ черезъ пять все было готово, я сердечно распрощался съ начальникомъ и надзирателемъ, передъ нами раскрылись ворота — и я снова былъ на свободѣ, правда, съ городовымъ въ придачу. Мы шли пѣшкомъ. Прохожіе обыватели оглядывали насъ, но я не обращалъ на нихъ никакого вниманія: я весь былъ занятъ предстоящимъ. Я попытался было спросить городового: не знаетъ ли онъ, зачѣмъ меня требуютъ къ исправнику?...

— Не знаю, баринъ,—простодушно отвѣтилъ онъ. Шли долго, но это не утомляло. Городовой еле поспѣвалъ за мной. Наконецъ, свернули въ болѣе людную улицу и скоро остановились передъ двухэтажнымъ изжелта-краснымъ, прямо сказать казеннытъ, зданіемъ. Здѣсь толпилось довольно много народу, стояли двѣ-три подводы. Это

и было полицейское управленіе, сосредоточіе всей высшей администраціи и власти городка. Вошли въ корридоръ, здѣсь толпились городовые. Насъ почтительно пропустили. Вотъ и комната съ писцами, квартальными. Попросили посидѣть: сейчасъ доложимъ о васъ. Черезъ четверть часа меня ввели въ другую комнату, и я предсталъ предъ сѣдымъ старичкомъ самаго добродушнаго вида. Это и былъ господинъ исправникъ.

— Вы господинъ С?...

— Да.

— Пожалуйста, присядьте. Вотъ мы съ полковникомъ рѣшили отправить васъ въ Петербургъ. Но съ условіемъ, что вы заплатите туда и обратно за проѣздъ до Жмеринки городового, который долженъ сопровождать васъ. Безъ провожатаго, по крайней мѣрѣ, до Жмеринки, мы васъ ни въ коемъ случаѣ не отпустимъ. А такъ какъ вы сами въ этомъ виноваты, то вы и несите расходы.

— Странно... вамъ нужно слѣдить за мной, а я долженъ оплатить расходы по вашей слѣжкѣ. Это все равно, что заставить приговореннаго къ смерти на свои же средства купить дровъ для костра или веревку для висѣлицы, До этого, кажется, только въ Россіи способны додуматься.

— Ну, какъ знаете, и нечего попрекать Россіей: слава Богу, страна, какъ страна!... Иначе мы васъ не отпустимъ.

— Что-жъ, не буду же я сидѣть изъ-за этого!... Я оплачу!..

— Ну, вотъ и прекрасно. Я сейчасъ приготовлю бумагу провожатому. Ваши же бумаги пойдутъ вслѣдъ за вами по почтѣ. Пріѣдете въ Петербургъ, явитесь въ департаментъ полиціи и скажете, что ваши бумаги будутъ отсюда на дняхъ.—Исправникъ вышелъ вмѣстѣ со мною въ канцелярію; здѣсь приготовили провожатому бумагу. Я же былъ

настолько обрадованъ предстоящимъ отъѣздомъ, что совершенно не думалъ о какомъ-либо документѣ или свидѣтельствѣ для себя. Все было готово, и я вышелъ со своимъ провожатымъ городовымъ, сѣлъ съ нимъ на извозчика и покатилъ къ вокзалу. Знавшіе меня жандармы не мало удивились, увидѣвъ меня, но подойти не посмѣли, такъ какъ торчавшій около меня городовой былъ порукой тому, что я не удралъ и не удираю. Черезъ часъ томительнаго ожиданія мы сѣли, наконецъ, въ поѣздъ, который шелъ на станцію Жмеринку. Народу было немного. Я усѣлся на одной лавкѣ, городовой на другой, и оба стали глядѣть въ окно. Я былъ на свободѣ!... Но, удивительно, я не чувствовалъ особой великой радости, меня точно столбнякъ охватилъ; «сегодня свободенъ, а завтра могу опять очутиться гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ»,—такъ, кажется, именно чувствовалъ я, сидя у окна. Но вдругъ мое сознаніе пронзила острая мысль...

— «Я ѣду безъ всякаго документа, мнѣ даже не дали моего проходного свидѣтельства! Что же это такое? Меня съ документамии забирали, а безъ нихъ до самаго Питера меня успѣютъ забрать не разъ и не два, а десятки разъ! Каждая станція, это угроза твоей свободѣ!» И я заметался въ страшномъ безпокойствѣ. Я не удержался и подѣлился своей тревогой съ городовымъ.

— А мнѣ-то лично никакого документа не дали! Что это значитъ? Должно быть, забыли?

— Не знаю, баринъ... Приказали проводить васъ до Жмеринки.

— Ну-до Жмеринки-то съ вами, пожалуй, доѣду еще благополучно, а дальше-то какъ я буду? Непремѣнно забыли! Что же дѣлать? Такъ ѣхать далѣе, безъ документовъ до самаго Питера, ни въ коемъ случаѣ нельзя!

— Не знаю, баринъ... — И опять стало такъ скверно!

«Такъ не везетъ, такъ не везетъ! Я чувствую, что со мной непремѣнно случится еще что-нибудь пакостное. На всякой станціи любой жандармъ можетъ пройтись по вагону, полюбопытствовать насчетъ паспортовъ — и я готовъ... я опять гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ!»

Проѣхали одну станцію, проѣхали другую, третью — вотъ и четвертая станція... въ вагонъ входитъ жандармъ и, озираясь по сторонамъ, кого-то ищетъ. Увидавъ насъ, онъ поспѣшно обратился къ городовому.

— Это вы сопровождаете господина С. изъ Могилевъ-Подольска?

— Я.

— На станціи получилась телеграмма изъ Могилевъ-Подольска, чтобы задержать васъ и съ первымъ же поѣздомъ вернуть обратно. Пожалуйте.

Я оторопѣлъ...

«Что случилось? Неужто возвращаютъ? зачѣмъ? почему? вѣдь рѣшили отпустить? Я вообще не понималъ, что это творится со мною: то выпукаютъ, то опять таскаютъ? Но я все же пытался найти объясненіе приказанію задержать и возвратить насъ обратно».

Должно быть, спохватились, что забыли снабдить меня моимъ проходнымъ свидѣтельствомъ... единственно это... что же еще предположить? Да, безъ сомнѣнія, забыли дать свидѣтельство и возвратили. Ну, и треплютъ же меня!

Опять я засѣлъ въ жандармской комнатѣ и опять ждалъ, ждалъ безъ конца! Меня это происшествіе такъ поразило, что я почувствовалъ головокруженіе и тошноту, скоро меня стала трясти сильнѣйшая лихорадка. Я боялся горячки.

— Скорѣй бы обратно, чортъ съ ними, хоть въ тюрьму, лишь бы быть одному, на постели, и не видѣть всѣхъ этихъ мучителей!

Одинъ видъ ихъ теперь приводилъ меня въ какое-то нервное содраганіе. Ждали мы часовъ 6 или 7. Былъ ужъ поздній вечеръ, когда, наконецъ, пришелъ поѣздъ изъ Жмеринки и мы усѣлись въ немъ. Часа два тянулся нашъ обратный переѣздъ въ Могилевъ-Подольскъ. Здѣсь меня уже ждала цѣлая свита: молодой помощникъ исправника, двое городовыхъ, нѣсколько жандармовъ; поодаль стояла публика и тоже напряженно чего-то выжидала. Я вышелъ со своимъ городовымъ, который подошелъ къ помощнику исправника.

Этотъ сейчасъ же обратился ко мнѣ.

— Простите, пришлось васъ, по приказанію исправника, возвратить обратно. Пріѣхалъ господинъ полковникъ и, когда узналъ, что васъ отправили, то пришелъ въ бѣшенство и сейчасъ же приказалъ дать телеграмму о вашемъ задержаніи. Такая буча поднялась, что не дай, Господи! А господинъ исправникъ теперь самъ не свой, дрожитъ и безпокоится: пріѣдете ли обратно?

— Что же случилось? вѣдь меня выпустили на законномъ основаніи. Когда насъ на станціи задержали, то я сейчасъ же сообразилъ, что, вѣроятно, спохватились насчетъ бумагъ, которыя забыли дать мнѣ для проѣзда въ Питеръ. Я думаю, что именно это послужило причиной моей задержки?

— Право, не знаю, но только у насъ сегодня творилось неладное. Мнѣ велѣно было васъ встрѣтить и до утра задержать у себя на квартирѣ. Мы теперь и направляемся туда.

Весь этотъ разговоръ мы вели уже дорогою, въ кры-

томъ фаэтонѣ. Подкатили къ какому-то зданію, гдѣ все было темно. Насъ встрѣтилъ сторожившій городовой. Молодой помощникъ любезно ввелъ меня въ комнату, которая, видимо, служила его кабинетомъ, ибо стоялъ письменный столъ, кресло, поодаль у стѣнки большой кожанный диванъ.

— Усаживайтесь. Вы, вѣроятно, голодны. Я прикажу поставить самоваръ, выпьете чаю, обогрѣетесь.

— Я былъ бы безконечно признателенъ вамъ: меня трясетъ лихорадка, и я съ удовольствіемъ выпью чаю...

Скоро на столѣ появился самоваръ, хлѣбъ, брынза, колбаса, и самъ помощникъ усѣлся рядомъ со мной и сталъ любезно подчивать. Я не ожидалъ такой любезности и совершенно размякъ и разоткровенничался.

— Вотъ поглядите, что у насъ на Руси творится!... хватаютъ людей безъ разбору, по одному подозрѣнію, волочатъ по тюрьмамъ, калѣчатъ карьеру, самую жизнь! Долго разсказывать, что со мной творили и творятъ сейчасъ. Скажите, откуда взять довѣріе, любовь къ нашимъ порядкамъ, если возможенъ такой произволъ, если каждый жандармъ на своей станціи царекъ и творитъ все, что ему угодно... Кого заушаетъ, кого хватаетъ, кого насилуетъ. Отъ всѣхъ этихъ порядковъ и рождаются революціонеры. Вѣдь, такой произволъ царитъ по всей Россіи, и въ городахъ, какъ и въ деревняхъ.

— Да, тяжела ты шапка Мономаха!...—вдругъ услышалъ я изъ устъ помощника исправника въ отвѣтъ на мои сѣтованія. Я поразился: до чего либераленъ этотъ господинъ помощникъ—и сталъ глядѣть на него съ любопытствомъ, но онъ сейчасъ же, смѣшавшись, постарался замять нашъ разговоръ, начавъ усиленно потчивать, и затѣмъ сталъ прощаться.

— Вы пейте еще чаю, сколько хотите, городовой уберетъ, а я ужъ, простите мнѣ, пойду отдохнуть, промерзъ на вокзалѣ, васъ ожидая. Покойной ночи, вы умѣститесь на диванѣ?

— Конечно, благодарю за гостепріимство!

— Не стоитъ, что вы! Я очень радъ. Покойной ночи,—и онъ ушелъ.

Скоро легъ и я на своемъ диванѣ, не раздѣваясь, ужъ не помню какую ночь.

Городовой убралъ со стола, прикрутилъ лампу и сѣлъ въ углу; это значило, что ему приказано сторожить меня.

«Любезность—любезностью, а дѣло—дѣломъ... такъ-то!—думалъ я о господинѣ помощникѣ исправника.—Ну, да Богъ съ нимъ!» Спалъ я плохо. Въ четыре часа сторожившій городовой смѣнился другимъ. Часовъ въ 8 сѣлъ третій, наконецъ, насталъ новый день. Принесли самоваръ, ту же закуску.

Появился и помощникъ исправника.

— Доброе утро! какъ спалось? Вотъ выпейте чаю, а я пойду въ управленіе, подожду тамъ исправника и доложу о васъ. Думаю, что этакъ черезъ часикъ васъ позовутъ туда, и все разъяснится, дастъ Богъ, къ лучшему.

Онъ ушелъ, а я сталъ нетерпѣливо ждать конца этого часика. Онъ тянулся долго и заключалъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, часа три. Но вотъ пришелъ самъ помощникъ исправника. Лицо у него смущенное.

— Исправникъ приказалъ отвезти васъ обратно въ тюрьму...

— Какъ такъ?

— Не знаю, но я долженъ самъ отвезти васъ.

— А вы не узнали, почему возвратили меня?

— Нѣтъ, исправникъ велѣлъ отвезти васъ обратно въ

тюрьму и попросилъ передать вамъ, что онъ будетъ тамъ вслѣдъ за нами и самъ объяснитъ вамъ, въ чемъ дѣло...

Пришлось ѣхать съ помощникомъ обратно въ тюрьму. Здѣсь начальникъ и надзиратель немало удивились моему возвращенію.

— Что случилось? — не удержался самъ начальникъ.

— Не знаю, отпустили, дали проѣхать нѣсколько станцій и возвратили телеграммой обратно... это, чортъ знаетъ, что такое! прямо издѣваются! Я этого не спущу такъ: я буду жаловаться въ департаментъ полиціи, у министра... Такое издѣвательство уже переходитъ границы допустимаго даже у насъ въ Россіи.

Меня отвели обратно въ мою землянку. Еще и постель не остыла, а я ужъ былъ опять на ней и опять безпомощно метался въ тоскѣ и злобѣ на весь міръ.

Скоро ко мнѣ явились начальникъ и самъ исправникъ. На лицѣ старика было какое-то безпомощное и умоляющее выраженіе. Онъ едва только переступилъ порогъ, какъ быстро и смущенно заговорилъ со мной:

— Ради Бога, простите старику-дураку! Хотѣлъ вамъ же лучше сдѣлать, а вышло только себѣ на голову. Чего только не наслышался я вчера отъ полковника, а тутъ вы еще чѣмъ-то грозите: жаловаться хотите... Видите, какая исторія вышла: позавчера полковникъ говорилъ со мной насчетъ васъ и сказалъ, что васъ придется отправить не сегодня, завтра въ Петербургъ. Я, дуракъ, спроста возьми и пойми, что, дескать, полковникъ предлагаетъ мнѣ отправить васъ. Взялъ вчера и отправилъ. Поспѣшилъ и даже людей не насмѣшилъ, а прямо-таки опростоволосился. Ради Бога, простите мнѣ, старику... я вамъ же добра желалъ. Я и деньги за проѣздъ городового возвращу вамъ. Я понимаю, что вамъ все это непріятно, но я, право же,

здѣсь не при чемъ, такъ что вы напрасно думаете жаловаться на меня...

Старика видно особенно напугала моя угроза жаловаться столичной власти.

— Я не знаю, кто изъ васъ тамъ виноватъ: вы или подковникъ; знаю, что вы совершили надо мной прямо недопустимое, и я непремѣнно буду жаловаться, и разскажу всю эту гнусную исторію измыванія надо мною въ департаментѣ полиціи. Надѣюсь, что тамъ отнесутся какъ слѣдуетъ ко всему, что творится сейчасъ надо мной.

— Какъ знаете, но я Богомъ клянусь, что и не думалъ васъ обидѣть, я вполнѣ понимаю ваше положеніе. Вотъ... я оставляю ваши три съ полтиною у начальника, которые вы заплатили за проѣздъ городового. Ну, прощайте; еще разъ прошу на меня, старика, не обижаться, все вамъ же добра хотѣлъ.

И онъ вышелъ вмѣстѣ съ начальникомъ.

„Что это: комедія, трагедія? или просто злостное издѣвательство? Какъ это такъ: не понять словъ полковника и не отличить простого его предположенія отъ прямыхъ приказаній?.. Я отказывался понимать все то, что вчера произошло со мной. Былъ на свободѣ и опять въ этой гнусной тюрьмѣ—впору хоть удавиться“...

Повели гулять, и я опять увидѣлъ безнадежно унылыя мѣловыя горы и въ душѣ почувствовалъ такую же безнадежность, отчаяніе. Я не сумѣю достаточно сильно передать словами, какія муки, какая смертельная тоска, горечь, обида, одолѣвали меня весь остатокъ дня... всю ночь... Особенно ночь показалась мнѣ ужасной. Я ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ. Я такъ и всталъ, не спавши. День занялся сѣрый, въ пору моему сѣрому, безнадежному

настроенію и усталому чувству. Весь день я валялся на кровати, не выходилъ гулять.

„Хоть бы заболѣть, что ли! Я бы забылъ тогда свое невыносимое состояніе...“

Прошелъ и день. Я все думалъ, что придетъ самъ полковникъ, объяснитъ въ чемъ дѣло и, наконецъ, скажетъ что-нибудь опредѣленное. По крайней мѣрѣ, выйду изъ состоянія гнетущей неизвѣстности; и я готовъ на все худшее, лишь бы знать, каково оно, но не мучиться такъ, какъ мучаюсь я сейчасъ...

Но полковникъ не пріѣзжалъ. Онъ точно забылъ обо мнѣ. Ночь была, какъ и вчера, такая же угрюмая, тяжелая, кошмарная... Спать — не спалъ, бредилъ. Снова занялся день, такой же сѣрый, угрюмый. Нервность моя дошла до того, что я не могъ безъ содроганія прикоснуться къ окружавшимъ меня предметамъ, я не могъ пить чаю, не въ силахъ былъ умыться... я заболѣвалъ не на шутку. Принесли обѣдъ, но я оставилъ его нетронутымъ. Такъ провелъ я весь день. Полковникъ не пріѣзжалъ. Я не находилъ себѣ мѣста... къ вечеру я почувствовалъ невыносимую боль въ вискахъ и какое-то подираніе кожи на черепѣ. Боль была ужасная, рябили какія-то тѣни; онѣ все наполняли и наполняли землянку, стали тѣснить меня, мнѣ становилось невыносимо душно и страшно...

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта ночь, если бы часовъ въ 9 вечера ко мнѣ не постучались. Пришелъ надзиратель и повелъ въ контору.

„Что такое? Что имъ ночью нужно отъ меня?“

Въ конторѣ начальникъ объявилъ мнѣ, что меня опять требуютъ въ полицейское управленіе. Въ сторонкѣ стояли два поджидавшихъ меня городовыхъ. Я безучастно простился, безучастно прослѣдовалъ за городовыми и заша-

галъ съ ними среди темной, пустынной ночи къ управленію.

„Не все ли равно, что тамъ меня ожидаетъ? Хуже того, что я испыталъ, теперь не испытаю“.

Пришли въ управленіе. А здѣсь меня, къ моему великому удивленію, поджидалъ уже самъ господинъ полковникъ.

— Вотъ получилъ изъ департамента полиціи телеграмму отправить васъ по проходному свидѣтельству въ Петербургъ. Вотъ вамъ ваше проходное свидѣтельство съ двумя пришивками о вашемъ пребываніи и арестѣ въ Кишиневѣ, и арестѣ на станціи Окницы. Смотрите, чтобы не пришлось въ пути дѣлать третьей пришивки,— зло сострилъ онъ.—Завтра въ 5 часовъ утра вы должны выѣхать отсюда. А пока вы свободны. Ваши документы и дѣло о васъ отправлены въ департаментъ полиціи по почтѣ, они придутъ за вами. Больше ничего, я васъ не задерживаю.

— Куда же мнѣ идти? Я города совсѣмъ не знаю.

— А это ужъ не мое дѣло, куда хотите. Въ 5 часовъ утра вы должны быть на вокзалѣ.

„Что съ этимъ звѣремъ толковать“, — подумалъ я и ушелъ, даже не кивнувъ головой.

Въ канцеляріи я надоумился пойти къ доктору: „Неужто онъ откажетъ пріютить меня часовъ на 6—8? Какъ бы узнать, гдѣ онъ живетъ. Спрошу городового“.

Къ счастію, онъ зналъ доктора; докторъ былъ городскимъ и полицейскимъ врачомъ. Оказалось, что онъ живетъ совсѣмъ близехонько, а отсюда и самъ городовой любезно предложилъ проводить меня къ нему. „Окончательно“ свободный я пошелъ съ городовымъ къ доктору.

— Вотъ здѣсь живутъ они, позвонитесь; покойной ночи.

— Покойной ночи, спасибо.

Я позвонилъ и не безъ трепета ожидалъ, когда отво-

рять двери: „Можетъ быть, онъ такъ напуганъ заподозрѣннымъ знакомствомъ со мной, что, пожалуй, не приметъ?“ Я не хотѣлъ допускать такой мысли.

Въ это время дверь открылась, и самъ докторъ предсталъ предо мною. Изумленный, онъ спросилъ:

— Какъ, развѣ васъ выпустили?

— Выпустили.

— Что вы, входите! — и живо потянулся ко мнѣ цѣловать меня. Мы крѣпко обняли другъ друга и трогательно расцѣловались, точно лучшіе, давно не видавшіе другъ друга друзья.

— Какъ это странно, но и прекрасно!.. Скидывайте пальто. Женя, Женя, выйди сюда!

Къ намъ вышла жена его, добродушное, милое существо. Она крѣпко, горячо пожала мнѣ руку.

— Я уже слышала о васъ, мнѣ мужъ все разсказалъ. Боже, что съ вами тутъ дѣлали и какъ васъ угораздило въ такую исторію? Ну, идемте въ столовую, вы, конечно, голодны, устали, пить хотите. Какая мерзость! Вѣдь запретили обѣдъ носить вамъ, ничего не пропускали; да знаете ли, и мужа не пускали къ вамъ!.. Полковникъ провѣдалъ, что вы съ нимъ будто знакомы и проводите время по-дружески.

— Да, я узналъ объ этомъ отъ начальника.

— Ну, усаживайтесь, ѣшьте, пейте, будьте, какъ дома. Считайте насъ своими близкими друзьями, вѣдь вы другъ П., вѣдь жена его Лидія—моя родственница! Ну, какъ я рада, что васъ, наконецъ, выпустили и, если бы вы знали, какъ я за васъ мучилась и безпокоилась!

Я очутился вдругъ въ теплой „буржуазной“ обстановкѣ, съ весело шипѣвшимъ на столѣ самоваромъ, мягкой мебелью, въ милой, привѣтливой семьѣ. „Изъ землянки да

прямо въ эту ласкающую, уютную обстановку!" Я отходилъ душой и чувствами. Я оглядывалъ всѣ предметы и чѣмъ рельефнѣе и яснѣе ихъ видѣлъ, тѣмъ менѣе мнѣ вѣрилось, что я ихъ вижу въ дѣйствительности на свободѣ.

— Я чувствую себя перенесеннымъ на другую планету, изъ маленькой жалкой камеры, изъ тяжелаго одиночества такъ неожиданно очутился вдругъ у васъ, у своихъ людей...

— Успокойтесь, ѣшьте, лучше говорите поменьше и ѣшьте, — ласково замѣтилъ докторъ и какъ-то особенно посмотрѣлъ на меня. Я, дѣйствительно, былъ въ странномъ состояніи нервной растерянности и разслабленности; каждую минуту я бралъ доктора за руку, крѣпко жалъ ее. Наконецъ, я немного успокоился. Скоро пришелъ аптекарь съ женой; вокругъ меня была, такъ сказать, вся интеллигенція этого городка. Они уже также знали обо мнѣ и о моей исторіи, и не мало удивились, увидавъ меня здѣсь. Заговорили они со мной тепло, участливо, какъ со старымъ знакомымъ.

— Васъ, кажется, обвиняли въ побѣгѣ?—полюбопытствовалъ аптекарь и, видимо, сгоралъ отъ желанія узнать объ этомъ что-нибудь подробнѣй. — Какое вздорное обвиненіе!—прибавилъ онъ, желая вызвать меня на дальнѣйшій разговоръ.

Я рѣшилъ разсказать имъ истинную исторію моихъ похожденій, главнымъ образомъ, для того, чтобы разузнать у нихъ кое-что насчетъ проѣзда въ Варшаву.

— Я, дѣйствительно, хотѣлъ переправиться черезъ границу и направлялся къ ней, но арестовали меня все же крайне дико и по одному лишь подозрѣнію.

— Да неужели вправду хотѣли удрать?

— Да, но уликъ противъ меня у полковника не было

никакихъ, кромѣ развѣ самаго факта уклоненія отъ пути. Онъ вертѣлся, хотѣлъ во что бы то ни стало создать дѣло, но ничего не вышло; доказать побѣга онъ не могъ, и изъ департамента полиціи приказали выпустить и отправить въ Петербургъ. И въ пять часовъ утра я долженъ отсюда выѣхать. Меня ужъ будутъ ждать на вокзалѣ жандармы. Но знаете, я, сказать правду, все-таки хочу удрать, мнѣ нужно перебраться черезъ границу. И у меня къ вамъ просьба.

— Да что вы? Господь съ вами? Вы столько натерпѣлись и опять хотите рисковать собой! Поѣзжайте въ Петербургъ, вѣдь вамъ же разрѣшили учиться?—начали всѣ въ одинъ голосъ горячо уговаривать меня.

— Нѣтъ, знаете, я твердо рѣшилъ. Мнѣ очень нужно. А просьба-то къ вамъ маленькая. Скажите, идутъ ли поѣзда изъ Жмеринки въ Петербургъ черезъ Варшаву? Изъ Варшавы я имѣю возможность снова предпринять свою переправу.

— Раньше шли, это я знаю навѣрное. Но какъ теперь обстоитъ дѣло, этого не могу вамъ сказать. Должны бы итти... А по моему бросьте... опасно!

— Нѣтъ, если поѣзда идутъ въ Петербургъ черезъ Варшаву, я уйду, сколько бы ни слѣдили!

Мы просидѣли до часу, но я положительно съ ногъ валился, и меня уложили спать до отхода поѣзда. Докторъ распорядился, чтобы къ четыремъ часамъ пріѣхалъ фаэтонъ и самъ обѣщался разбудить меня. Жена же приготовила дорожную сумку съ полотенцемъ, мыломъ, туда же вложила бутербродовъ и всякой всячины. Я улегся, но спать, конечно, не спалъ. Въ четыре часа докторъ пришелъ будить меня; фаэтонъ уже ждалъ у крыльца. Съ женой доктора я простился раньше. Съ нимъ мы

крѣпко обнялись, расцѣловались, и я вышелъ отъ него совсѣмъ разстроенный: такъ наожиданно было все его расположеніе ко мнѣ.

Черезъ полчаса я былъ ужъ на вокзалѣ. Пришелъ я одинъ, съ сумкой въ рукахъ, и, разумѣется, сейчасъ же натолкнулся на жандармовъ, которые достаточно присмотрѣлись ко мнѣ въ жандармской комнатѣ, когда пришлось пробыть въ ней первую ночь послѣ ареста. Я усѣлся ждать поѣзда. Дежурный жандармъ былъ заинтригованъ моимъ появленіемъ: „ужъ не удралъ ли я изъ тюрьмы?“ Я же смотрѣлъ на него вызывающе. Онъ нѣсколько разъ прошелъ мимо меня, какъ бы прогуливаясь по залѣ. Наконецъ, не вытерпѣлъ и подошелъ ко мнѣ:

— Вы куда ѣдете?

— Въ Петербургъ.

— Простите...—и отошелъ, видя, что я не скрываюсь. На минуту онъ куда-то исчезъ; видимо, справиться обо мнѣ. Скоро онъ вышелъ и уже совершенно пересталъ интересоваться мной; будто никогда и не зналъ меня. Пришелъ мой поѣздъ, и я сталъ у кассы брать билетъ. „Куда?...“ Я рѣшилъ взять до Жмеринки. „Это не можетъ вызвать подозрѣнія (я зналъ, что за мной слѣдятъ и провѣряютъ каждый мой шагъ). А въ Жмеринкѣ возьму билетъ въ Петербургъ черезъ Варшаву. Это также не вызоветъ подозрѣній, ну а тамъ... лишь бы прибыть въ Варшаву, такъ шмыгну со станціи, что и слѣда не сыщутъ“!... Я взялъ билетъ и усѣлся сейчасъ же въ вагонъ. Передъ самымъ отходомъ поѣзда въ вагонъ вошелъ, съ узелкомъ въ рукахъ, жандармъ и сѣлъ гдѣ-то поотдаль.

„Что это значитъ?...“ я насторожился. „Ѣдетъ онъ будто по своимъ дѣламъ. Можетъ быть, случайно очутился со мной въ одномъ вагонѣ?... Но... надо это провѣрить“.

Поѣздъ тронулся, и я съ проклятьемъ простился съ этимъ городкомъ и его придурковатыми и не въ мѣру подозрительными жандармами. Минутъ черезъ пять я перешелъ для испытанія моего сосѣда-жандарма въ другой вагонъ. Смотрю: минуту спустя входитъ и онъ, и садится опять гдѣ-то поодаль.

„Ну, значитъ, слѣдятъ! Но это не важно,—успокоилъ я себя.—Вѣдь проводилъ же меня гласно городовой. А жандармъ, должно быть, проводитъ негласно до Жмеринки. Уйду! Все-таки уйду!“ Я успокоился и весь отдался грезамъ: сила и бодрость, несмотря на безсонницу, прибывали. Предстоящая возможность все же очутиться за границей и такъ удачно два раза уйти изъ рукъ полиціи и жандармеріи — возрождали меня къ новымъ, сильнымъ желаніямъ, къ новымъ надеждамъ, къ новой борьбѣ со всѣми силами жандармскаго ада... Не помню ужъ, къ какому времени я очутился въ Жмеринкѣ. Приходилось подождать здѣсь другой поѣздъ, который шелъ уже прямо въ Петербургъ. Здѣсь рѣшалась моя судьба: идетъ или не идетъ поѣздъ въ Петербургъ черезъ Варшаву? Когда я выходилъ изъ вагона, сидѣвшій со мной жандармъ, успѣвшій выйти ранѣе меня, стоялъ уже около дежурнаго жандарма съ бѣлымъ султаномъ и что-то шепталъ ему, стараясь незамѣтно указывать на меня глазами. Я замѣтилъ это и опять встревожился. Когда я направился въ залъ, за мной никто не шелъ, но я чувствовалъ, что меня глазами перекидывали отъ одного жандарма къ другому.

Пора было уже брать билеты. Я постарался какъ можно тише разспросить о поѣздахъ: у кассы, по обыкновенію, стоялъ жандармъ.

Я спросилъ. Мнѣ отвѣтили: „Раньше поѣзда ходили такимъ образомъ, но съ новымъ расписаніемъ отмѣнены“.

Огорченіе мое было неописуемо. Приходилось брать билетъ въ Петербургъ и ѣхать туда на новыя непріятности, въ совершенномъ разочарованіи. А какъ я мечталъ уйти изъ Варшавы и все же очутиться за границей! Взялъ билетъ и, какъ въ воду опущенный, пошелъ къ уже подходившему поѣзду. Не было уже мечтаній о будущемъ... Едва отошелъ поѣздъ, какъ въ вагонъ вошелъ какой-то жандармъ, опять съ узелкомъ въ рукахъ. Я продѣлалъ тотъ же маневръ, что и до Жмеринки; перешелъ въ другой вагонъ, онъ за мной.

Чортъ возьми, негласно слѣдятъ за мной. Интересно знать, какъ долго это будетъ продолжаться? Прибыли въ Казатинъ. Здѣсь та же исторія; новый жандармъ усѣлся со мной. Я испыталъ и этого... Онъ потянулся тоже за мной. Межъ тѣмъ это было мнѣ совсѣмъ не на руку. Я замышлялъ, пріѣхавъ въ Вильно, исчезнуть со станціи и направиться отсюда въ Варшаву. Теперь же, при такой явной слѣжкѣ, это становилось почти невозможнымъ. Въ Вильно поѣздъ стоялъ довольно долго, сейчасъ же отходилъ поѣздъ въ Варшаву; но здѣсь за мной слѣдили особенно сильно и прямо съ глазъ не выпускали. Меня невидимо перекидывали глазами и жестами, точно мячикъ.

„Надо ѣхать въ Петербургъ, тамъ видно будетъ!“ И я потянулся въ Питеръ. Слѣдившіе за мной жандармы мѣнялись на каждой болѣе или менѣе крупной станціи, и проводили меня вплоть до Питера.

Пріѣхалъ я съ чувствомъ полной растерянности и неизвѣстности: не то опять заберутъ и возбудятъ „дѣло“, не то оставятъ на свободѣ... Остановился я у товарища и въ тотъ же день явился въ охранное отдѣленіе. Здѣсь ничего не знали, дали свидѣтельство для недѣльнаго проживанія и направили въ департаментъ полиціи. Здѣсь при-

нимали по четвергамъ. Пришелъ я, попросилъ кого-то изъ чиновниковъ узнать: не пришли ли мои бумаги изъ Могилевъ-Подольска, сказалъ, кто я и откуда. Черезъ нѣкоторое время вышелъ какой-то важный старичокъ.

— Вы господинъ С.?

— Я.

— Такъ это вашу эпопею я читалъ въ донесеніяхъ? Ну, и похожденія! Какъ это васъ, батюшка, угораздило поѣхать въ Новоселицы, попасть въ тюрьму?

— Долго разсказывать. Былъ вынужденъ свернуть съ пути по чисто денежнымъ соображеніямъ.

— Ну-съ, такъ что-жъ вы теперь намѣрены дѣлать? Учиться? Вамъ, вѣдь, разрѣшили снова поступить въ вашъ институтъ,

— Да, но у меня документовъ нѣтъ. Я и пришелъ справиться—не получены ли они и когда я могу взять ихъ?

— Еще не получены, но на-дняхъ, вѣроятно, будутъ. Зайдите черезъ недѣлю въ охранное отдѣленіе; они ужъ будутъ тамъ, и вамъ ихъ выдадутъ. Мы прикажемъ. Прощайте.

Я стоялъ и радостно-глупо недоумѣвалъ: „такъ это все! Значитъ, дѣлу не даютъ ходу—и я свободенъ?“ Пошелъ домой, разсказалъ товарищамъ; тѣ обрадовались за меня.

— А знаете,—заявилъ я имъ,—если такъ, то я наберусь дерзости и попробую подать прошеніе въ тотъ же департаментъ полиціи о разрѣшеніи выѣхать за границу для лѣченія. Надо только узнать, въ какомъ состояніи мое дѣло? А, повидимому, оно также кончится ничѣмъ, разъ мнѣ позволили вернуться въ Питеръ для продолженія занятій.

Товарищи отговаривали меня: въ департаментѣ моя

просьба могла лишь подтвердить подозрѣніе въ желаніи бѣжать за границу. Но я рѣшилъ все-таки попробовать. Рискъ для меня теперь сталъ дѣломъ болѣе обыкновеннымъ, чѣмъ раньше. Я навелъ справки насчетъ своего прошлаго дѣла: оказалось, что оно дѣйствительно кончается ничѣмъ — и къ январю я буду совершенно „чистъ". Въ слѣдующій же четвергъ я рискнулъ подать въ департаментъ полиціи прошеніе о разрѣшеніи мнѣ, въ виду нездоровья, выѣхать за границу. Къ величайшему удивленію, мнѣ разрѣшили это безъ всякихъ заминокъ. Съ легальнѣйшимъ заграничнымъ паспортомъ въ карманѣ, я покойно и удобно направлялся въ вагонѣ къ той же австрійской границѣ. Черезъ мѣсяцъ моихъ мытарствъ я увидѣлъ своихъ друзей, любимую дѣвушку, и когда я повѣствовалъ имъ о моихъ приключеніяхъ, имъ прямо не вѣрилось, а еще болѣе они не вѣрили тому, что я, въ концѣ концовъ, переправился къ нимъ, какъ добродѣтельнѣйшій и невиннѣйшій изъ гражданъ русскаго государства. Такъ трагически началась и такъ комически кончилась моя переправа черезъ границу!

НА СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ:

Изданія П. Дауге.

Іосифъ Дицгенъ: Аквизитъ философіи и письма о логикѣ. Пер. П. Дауге и А. Орлова.

Готовятся къ печати:

І. Дицгенъ: Экскурсіи соціалиста въ область теоріи познанія. Пер. А. Орлова.

Унтерманнъ: Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. (Историческій матеріализмъ и монистическій матеріализмъ). Перев. съ рукописи И. Наумова.

Цѣна 30 коп.

СКЛА[illegible]ДАНІЯ: Коломенская ул., д. 3, кв. 32.

Для книгопродавцевъ 25% скидки.

Выписывающіе из[illegible]ада на сумму 20 рублей пользуются [illegible]зплатной пересылкой.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

